

Лаврентьев Олег

Халва

18+

Олег Лаврентьев

Халва

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63828661
SelfPub; 2021*

Аннотация

Почти все рассказы в этой книге написаны в стиле фэнтези. По определенным причинам мне легче работать в этом стиле. Но цель, которую я перед собой ставил, – не изобразить замысловатый мир с пятью зелеными солнцами, а показать человека, который продолжает оставаться человеком, даже попав в другую среду. Человека любящего, ненавидящего, страдающего... Потому что я глубоко уверен: человек – величайшая загадка Вселенной, и мы живем на Земле для того, чтобы найти на нее ответ.

Олег Лаврентьев

Халва

Халва

Бедна страна Упарат, что лежит в горах Русуват. А аул Рашат – один из беднейших аулов в стране. А Ишан, наверное, самый бедный человек из всех жителей аула. Думаете, это его сильно огорчает? Ошибаетесь. Хотя Ишан живет в развалюхе, а в его халате и шапке дыр не меньше, чем звезд в летнюю ночь, Ишан очень счастливый человек. У Ишана нет своего поля и сада? Зато у него есть крепкие руки и быстрые ноги. Ишан может рубить дрова, таскать воду, месить глину, а значит, он всегда заработает на половину лепешки. У Ишана нет ни отца, ни матери? Зато есть друзья. Во-первых, дедушка Ширшан, который знает тысячу интересных сказок, а во-вторых, Ашат. Ашат – внучка Ширшана, ей тоже четырнадцать, как и Ишану. Собственно, из-за Ашат Ишан сейчас и шагает по пыльной дороге в Ахрат...

Позавчера вечером после работы Ишан, как обычно, зашел к Ашат. Старый Ширшан выглядел озабоченным.

– Заболела, – коротко сказал он.

Ишан осторожно подошел к кровати и сел рядом. Ашат лежала в углу, накрытая толстым верблюжьим одеялом, закрыв глаза, и тяжело дышала. Ишан осторожно положил ла-

донь на лоб девушки – он был горячий, как камень очага. Почувствовав прикосновение, Ашат открыла глаза. Увидела его, слабо улыбнулась:

– Ишан.

– Лежи, – строго сказал Ширшан. – Непослушная, лечиться не хочет. Даю ей молоко, не пьет.

– Не хочется, – тихо сказала Ашат, – горькое.

– Зато полезное.

– Я выпью... потом выпью.

Ширшан насупился и вышел во двор.

– Хочешь, я пойду к Утару и попрошу у него дикого меда? – спросил Ишан. – Добавим в молоко, и оно не будет горьким.

– Нет, я уже пробовала, – покачала головой Ашат, а потом улыбнулась. – Знаешь, что я во сне видела? Халву. Белую с коричневыми полосками. И так мне захотелось кусочек попробовать...

Ишан насупился. Халва не мед и не молоко, халву люди раз в год едят, если повезет кому-то в город съездить. Ишан один раз в жизни халву ел. На свадьбе Исана, забыл, когда это было.

– Глупости это, не нужно мне ничего, – сказала Ашат, видимо, отгадав его мысли, и закрыла глаза.

Ишан подождал немного, потом вышел к Ширшану. Старик сидел перед домом и смотрел в горизонт.

– Сильно заболела? – спросил Ишан.

Старик кивнул.

– Сильно. Грудь застудила. Спать ей нужно и молоко пить. А она не может, горько. Я уже мед добавлял, все равно горько.

Ишан задумался. Халвы бы, халва горькой не покажется. Но где ее взять! В город идти, в Ахрат? Туда три дня ходу и три обратно... Три дня, а что тут невозможного? Хорошо, а где ее в городе взять, халва – не лепешка. Но и Ахрат – не их захолустье. Утар, гончар, рассказывал, что в городе за услуги деньгами расплачиваются, неужели у Ишана рук нет? Итак... три дня туда, день в городе, три дня назад...

– Пойду я, дедушка Ширшан.

Утро встретил Ишан в горах. Схитрил он вчера вечером, не дорогой пошел, а решил срезать, направиться напрямиком через горы. Думал, засветло успеет на дорогу выйти, не успел, пришлось в камнях заночевать. Ничего, дело привычное. Щеки щекотнул утренний ветерок, на нос села букашка. Где-то далеко запел жаворонок, рядом чирикнул воробей. Просыпайся, соня, хотели сказать все они, Ашат ждет халву. Ишан хотел встать, но заметил в небе черную точку. Орел, беркут. Не иначе, добычу заметил, спускается. Ишан осторожно скосил глаза, следя за птицей. Беркут плавно опустился на камень, лежащий в низине, и сложил крылья. От возвышения, на котором лежал Ишан, до камня было шагов пятьдесят, и птица была видна как на ладони. Нет, не похоже,

что орел ринулся за добычей, сидит смирно. И что ему нужно? с удивлением думал мальчишка, наблюдая за птицей.

Сбоку в камнях мелькнула черная тень. Ишан напрягся. Горный волк. Горный волк – не порода, имя. Так называют огромного черного волка, который является бичом божьим всех окрестных стад. Необычного, черного цвета, невероятно крупный и хитрый. Похоже, что это он, вряд ли в окрестностях есть еще один черный волк.

Волк подбежал к камню, где сидел беркут, и лег на землю. Орел даже не шелохнулся. Ну и дела, подумал Ишан и чуть не ахнул. Потому что из травы возле волка подняла голову гюрза. Что общего у ядовитой змеи, волка и орла? Но долго наблюдать за странным содружеством не пришлось. Орел подался вперед и, замахав крыльями, взлетел в воздух, волк сорвался с места, а гюрза исчезла в траве, бросив, как показалось Ишану, взгляд в его сторону. Вскоре лишь черная точка в небе напоминала о событии, а когда пропала и она, Ишан мог лишь гадать, не померещилось ли ему все это.

В полдень Ишан вышел к деревне. Солнце палило нещадно, в такую жару лишь дурак не сядет в тень, экономя силы, и Ишан устроился в тени карагача на окраине. Через часа два можно будет походить по дворам, поискать работу, а пока есть возможность отдохнуть. Рядом, привязанные к колышку, паслись две козы, черная и серая. Возле них лежала охапка травы, а если бы животные захотели пить, к их услугам была небольшая лужа, бравшая воду из выкопанного невда-

леке арыка.

Нужно и мне попить, вяло подумал Ишан, но было лень вставать в такую жару. В этот момент на дороге показалась женщина лет сорока. Подойдя к козам, она быстро оглянулась, нет ли кого вокруг. Ишана она не заметила и, решив, что ее никто не видит, женщина быстро откинула в сторону траву, предназначенную козам, и засыпала землей канаву, по которой питалась лужа. Ишан удивленно поднял брови.

Женщина ушла, а Ишан все не мог понять, в чем смысл ее действий. Кому нужно, чтобы козы страдали от голода и жажды? Наконец он решил, что случай свел его с безумной. Тогда Ишан встал, подошел к несчастным козам, подкинул им травы и расчистил палкой канаву.

– Что ж ты делаешь, забери шайтан твою душу!?

Ишан обернулся, сзади него стояла безумная. Какая же она мерзкая. Лицо некрасивое, на носу громадная черная родинка. В руках толстая суковатая палка, лицо перекошено злобой, того и гляди ударит.

– Я, уважаемая, помог несчастным животным. Смотрю, им нечего есть и пить, дай, думаю, помогу.

– Уноси свои ноги, сын гиены, и не лезь не в свое дело!

– Конечно, уйду, я одинокий путник, просто шел мимо.

– Вот и проваливай!

– Ухожу, почтеннейшая.

– Быстрее шевели ногами.

– Конечно, конечно. Я присяду здесь у карагача и никому

не помешаю.

Женщина задохнулась от ярости.

– Говорю тебе, проваливай! Еще неизвестно, кто ты такой, может, вор! Может, ты хотел увести этих коз.

Ишан даже улыбнулся такому предположению – как можно днем уйти с козами по такой пустынной местности? Враз догонят.

– Почтеннейшая, этот карагач ничей, и сидеть в его тени никому не возбраняется.

– А я говорю, пошел прочь, проклятый вор!..

– Кто говорит о воровстве? – послышался рядом строгий мужской голос.

Ишан и женщина замолчали и обернулись. Перед ними стоял всадник. В ярком одеянии, на вороном коне, с надменным взглядом. И как это он так тихо подъехал?

– Простите, господин, – голос женщины сразу стал вкрадчивым, – этот оборванец ошивался вокруг козочек, я решила, что он вор.

– Я – верховный судья округа, – строго произнес всадник, показывая золотую бляху на груди, и посмотрел на Ишана, – что скажешь в свое оправданье?

А ведь могут посадить в тюрьму. Только этого мне не хватало, испугался Ишан и торопливо сказал:

– Почтенный судья, право же, ничего плохого я не делал. Я сидел, отдыхал в тени, когда увидел, как эта женщина подошла к козам, отбросила от них траву, забросала землей их

лужу. Мне стало жаль несчастных животных, я решил им помочь...

– Врет! – закричала женщина. – Он хотел украсть коз! Думаешь, я не видела, как ты уже брался за веревку!?

– А как ты думаешь, зачем эта женщина могла забрать у коз воду и траву? – спокойно спросил судья. – Разве в этом есть смысл?

– Не знаю, – пожал плечами Ишан, – я думал, что имею дело с безумной.

– Твои слова внушают мне меньше доверия, – покачал головой чиновник.

– Я могу объяснить, – раздался голос, и из-за спины Ишана вышла еще одна женщина.

Ишан скосил глаза, не решаясь повернуться спиной к судье. На вид говорившая была еще не старая и довольно привлекательная. Позади нее стояли еще несколько человек. Ну ясно, слышали шум, подошли.

– Я сестра этой женщины, – продолжала она. – Наш отец перед смертью оставил мне большую часть дома и этих коз, поскольку я вдова и у меня двое детей, а сестра живет одна. Но дабы не забыть о справедливости, отец велел, чтобы эти козы принадлежали мне при жизни, а сестре в посмертье; она забирает их шкуры.

– Ты хочешь сказать, что твоя сестра была заинтересована в смерти животных? – спросил судья.

– Именно так.

– Тогда... тогда действия ее обретают смысл, – важно произнес судья. – И вот мое решение: ваш отец, да не возведем хулу на покойного, поступил несправедливо, ибо сказано в Писании, что старший ребенок является главным наследником в семье. Таким образом, старшая сестра лишь желала прекратить беззаконие, в ней говорило чувство справедливости. Коз и часть дома младшей сестры отдать ей, а младшая сестра пусть возьмет себе ее долю.

На лице младшей сестры отразилось недоумение и боль, а на лице старшей глубокое удовлетворение, хотя и не без примеси удивления.

– А мои дети? – спросила младшая сестра.

– Справедливость превыше всего, – важно сказал судья. – Исполните приговор сегодня же.

Сгорбленный старик с белой, до пояса, бородой, видимо староста, низко поклонился, выражая покорность.

– Что же касается тебя... – повернулся судья к Ишану, – как я понимаю, ты бездомный, направляющийся в Ахрат на заработки?

– Ваша мудрость не знает границ, – склонился Ишан в поклоне.

– Ну и ступай скорее куда шел и не вмешивайся в чужие дела.

Дважды упрашивать не пришлось, вскоре Ишан бодро шагал по пыли, опасливо оглядываясь назад. Еще легко отделался, думал он. Но в чем смысл, отдать большую часть на-

следства старшей сестре, обделяя младшую и ее детей? Если бы судья забрал коз себе, как случилось с Вахраном, когда он вздумал судиться с Каматом по поводу кур, задушенных его псом, я бы понял. Но судья не взял себе ни одного медного тана, так в чем же смысл такого судейства?..

Солнце порозовело и клонилось к закату. Ишан остановился в раздумье. Он не боялся сбиться с дороги, не так давно он встретил водовоза на осле, тот подтвердил, что Ишан правильно идет в город. Но предстояло решить один насущный вопрос. Выходя из дома, Ишан сунул за пазуху кусок лепешки. И вот голод дал о себе знать в полный голос. Следовало ли Ишану съесть свой запас сейчас или приберечь на тяжелые времена? Поколебавшись, Ишан решил утолить голод, напившись досыта из ближайшего арыка, а потом идти дальше до первой попавшейся деревни и там сделать то, что не удалось сделать из-за жадной сестры и верховного судьи, то есть поискать работу. Живот был категорически не согласен с таким решением, но хозяин заткнул ему рот потоком воды, и живот на время замолчал.

Напившись, Ишан хлопнул себя по брюху, утер капли с уголков рта и повернулся идти. Вокруг было тихо, и это не радовало. Если бы поблизости был аул, по дороге ехали бы повозки, сновали пешие, конные, а вокруг тишина. Значит, скорее всего, до аула еще далеко, и он правильно сделал, что не послушался голоса желудка и приберег лепешку на завтра. Не очень-то приятно ложиться спать голодным под от-

крытым небом, но Ишану не привыкать. А может, он зря тревожится? Может, совсем рядом аул, такой же маленький и тихий, как его Рашат, поэтому на дороге пустынно. Да и не так уж пустынно, вдали слышится топот копыт. Ишан затянул потуже пояс и зашагал вперед. Топот к тому времени стал громче, а когда Ишан прошел шагов сто, стало ясно, что сейчас всадник вылетит из-за поворота. Тогда Ишан остановился. Если человек торопится, он может ненароком сбить путника, особенно такого маленького, как Ишан. В этот момент из-за скалы показался всадник. Заметив путника, он резко осадил коня. Животное присело на задние ноги, подалось в сторону и остановилось, глядя на мальчишку разгоряченными от бега глазами. Ишан поднял голову и замер от нехорошего предчувствия. Это был судья. На его плече прилепился беркут. Но не птица смутила мальчишку, а взгляд, которым наградил его судья, недобрый взгляд, не сулящий ему ничего хорошего. И вообще, что за дело такому большому человеку, как судья, до бедного мальчишки?

Ишан поспешил склонить голову, пытаясь понять, чем мог досадить влиятельной особе, но на ум ничего не лезло. А может, я придумываю? мелькнула мысль. Судья просто остановился дать мне пару напутствий, отругать, в конце концов? Но гулко стучащее сердце подсказывало, что это не так. Выждав время, чтобы соблюсти приличия, Ишан осторожно поднял глаза. Судья улыбался.

— Вот и ты, малыш, я спешил перехватить тебя до деревни

и едва успел.

– Почтеннейший судья держит в голове память о таком черве, как я?

– Да, милейший, – засмеялся судья, – я не люблю, когда люди распускают нелепые слухи, спешу их пресечь.

Сердце у Ишана стучало, как молот в кузне, но он постарался не терять головы и действовать обдуманно. Убежать от коня он не сможет, значит, нужно узнать, когда он перешел дорогу судье и уверить его в своей лояльности. Хотя за это время Ишан заметил еще кое-что – у Беркута на плече всадника нет колпачка на голове! Орел, который видит, но не покидает хозяина, немислимо!

– Какие слухи могу распускать я, ничтожнейший? – Ишан снова склонил голову.

– О черных волках, беркутах и змеях. Ты ведь видел их вместе?

Ишану стало ясно, что дело его действительно плохо, хотя он ничего не понимал.

– Я уже забыл об этом, почтенный судья.

– Но можешь вспомнить, хитрый мальчик. Подними голову.

Ишан поднял голову. Ох, недобрый взгляд у судьи. Самое время задать стрекача, хотя это и не поможет.

– Не надо, отец.

Ишан чуть на землю не свалился. Говорила девчонка, но, сколько ни крутил Ишан головой, увидеть ее не мог. Судья

же ничуть не смутился, лишь рассердился.

– Почему ты вмешиваешься!? Тебя это касается!?

– Я хочу, чтобы он пошел со мной и стал моим товарищем по играм. Ты же знаешь, как я скучаю.

– Играй с Шамсином.

– Шамсину нравится одна игра – убивать.

Судья задумался. Через секунду злая морщина на его лбу разгладилась.

– Что ж, в этом месте он никому не сболтнет лишнего.

Ишан уже окончательно понял, что встретил злых духов и бросился бежать. Но, не сделав и десяти шагов, его ноги потеряли опору, а перед глазами поплыла чернота...

Очнулся он на травянистом лугу. Трава была густая и сочная, лежать на ней было мягко и приятно.

– Очнулся.

Ишан приподнялся на локте, рядом сидела девчонка, чуть поменьше его. Обычная девчонка, волосы черные, плетеные в косички, лицо светлое, глаза большие; красивая. Он ее никогда не видел, но голос слышал и на всю жизнь запомнит. Да и не девчонка это. Знает Ишан, что не может быть рядом обычных существ. Он у духов.

– Есть хочешь?

Ишан, не отвечая, быстро осмотрелся. Невдалеке стояла скала, перед ней большой четырехугольный камень. На камне сидел судья и с любопытством смотрел на Ишана.

– Наш друг пришел в себя, и нужно ему кое-что объяснить, чтобы он перестал пугаться, – весело сказал он. – Начнем с самого простого. Меня зовут Сакрам, это моя дочь Маташ. Мы в моем поместье, место неплохое, тебе должно понравиться. Я взял тебя как слугу и товарища по играм для Маташ...

– Разве я раб?

Ишан сказал и удивился, что он так быстро осмелел. Сакрам улыбнулся:

– Нет, но когда я встретил тебя на дороге, то собирался убить. Если бы не Маташ, так бы и было. У тебя есть выбор – умереть или служить.

– А если я убегу?

Почему-то это заявление рассмешило мнимого судью, он поднял голову вверх и долго смеялся.

– Беги, беги, мой мальчик... если сумеешь. Я даже не буду брать с тебя слово, что ты здесь останешься, будет приятно понаблюдать... Но помни одно – ты жив, пока ты нужен Маташ. Надоешь, твои кости обглодают вороны.

– Кто вы такой?

– Не сейчас, мой мальчик, в свое время все узнаешь. От тебя я таиться не буду. Ну, играйте, а у меня дела.

Мнимый судья встал и исчез, только маленький смерч закружил в этом месте. А потом и он пропал. Ишан сжал кулаки, заставил себя побороть страх. Нужно привыкать, раз попал в такой переплет.

– Есть хочешь?

Ишан кивнул – есть не хотелось, но это от пережитого, он давно не ел.

Они зашли за скалу. Там был разбит просторный шатер ярких цветов, а перед ним стоял и слабо дымил каменный очаг. Маташ усадила Ишана в шатре и вскоре вернулась с вкусно дымящим казаном. Ишан глубоко втянул носом запах, зажмурился от удовольствия, потом быстро стал пихать в себя еду...

Слопав миску плова, Ишан подобрел. Конечно, положение у него отчаянное, но разве зимой, когда их застала выюга на горном перевале, было легче? Зинак не выдержал, бросился бежать, и его так и не нашли. А Ширшан обнаружил щель в скале, туда они забились и переждали непогоду.

– Понравился плов? Это я сама сделала.

Ишан с удивлением посмотрел на Маташ.

– Я думал, слуги.

– Здесь никого нет, кроме меня и отца, поэтому я так и скучаю. Давай играть.

Ишан не хотел, чтобы она сразу взяла над ним верх, а то не успеешь глазом моргнуть, оседлают и на спину сядут.

– Во что? – спросил он, когда они вышли наружу.

– Во что дети играют.

– А во что именно?

– Ты что, не знаешь?

– Мальчишки и девчонки играют в разные игры. Я ваших

игр не знаю.

Маташ опешила.

– А что, вместе они не играют?

– Нет.

– Ну, давай в мальчишечьи.

– Хорошо. Давай в Бараний лоб.

– Это как?

– Подходим к камню и по очереди стучим лбом по скале.

Я твоим, ты моим, и каждый раз все сильнее. Пока кто-то пощады не попросит.

Маташ испуганно посмотрела на камень.

– А это не больно?

– Зато весело.

У нее был такой обескураженный вид, что Ишан не выдержал и расхохотался:

– Тебя провести много ума не нужно!

Маташ слабо улыбнулась:

– Ну да, меня никто никогда не обманывал.

– А у нас это запросто, зазевался, а тебя уже провели. Ладно, давай в Принцессу и дракона играть.

– Давай.

– Я принц, ты принцесса...

– А дракон?

– Дракон вот этот камень.

Девочка с сомнением посмотрела на скалу.

– Это скала, а не дракон.

– А ты присмотришься. Вот ухо, вот нос, вот глаза...

Маташ удивленно открыла рот:

– Правда... А где второе ухо?

– Второе ухо ему уже отрубили...

Маташ оказалась неплохим товарищем. Она не зазнавалась, Ишана слушалась. Врать совсем не умела, Ишан никак привыкнуть к этому не мог. Такое впечатление, что с маленькой девочкой общаешься. Да и смех у Маташ приятный – звонкий, как у жаворонка. Когда дракон был побежден, а принцесса освобождена, у Ишана было чувство, что они давно знакомы. Тем не менее, он не забывал о своем положении и старался узнать как можно больше об этом месте.

– А почему твой отец так смеялся, когда я сказал, что хочу убежать?

– Так отсюда нельзя убежать. Этот мир очень маленький – эта равнина и все.

Ишан не поверил, пошел, посмотрел. Да, действительно, равнина оканчивалась обрывом, а сама скала плыла в воздухе, словно серое облако.

– Вот видишь, – вздохнула Маташ. – Только отец знает, как отсюда уйти, даже я не могу.

– Твой отец див?

Она вздохнула.

– Давай не будем об этом.

Ишан сделал вид, что обиделся.

– Не обижайся, он сам все тебе расскажет, а если нет, я

расскажу.

– Завтра?

– Завтра.

Вскоре живот снова дал знать, что не прочь бы поесть. Хитрый, дома Ишан после такой еды до вечера бы не ел, и еще бы до следующего дня хватило, а тут живот знает, что плов неподалеку, вот и начинает бунтовать.

– Не перекусить бы нам?

– Хорошо.

На этот раз Маташ принесла темный плов. Он был острее и имел сладковатый вкус. Ишан ел и нахваливал. Маленькая хозяйка расцвела и поспешила похвастаться.

– Я умею готовить двадцать блюд из риса.

Ишан поспешил осадить ее.

– Двадцать блюд – дело нехитрое, если разные сорта риса. Попробуй приготовить двадцать блюд из одного сорта. Сможешь?

Маташ задумалась.

– Семь смогу, нет, восемь, больше не смогу.

– Вот видишь. Кстати, откуда у вас пища?

– Рис, муку, масло отец приносит, мясо – Шамсин.

– Кто это?

– Ты его увидишь.

– Ты же говорила, здесь, кроме вас, никого нет.

– Людей нет.

– Значит, Шамсин – не человек.

– Нет... Ты поел, чай будешь?

– Чай?

– С халвой.

– С халвой!?

– Почему ты так поразился?

– У вас и халва есть?

– Есть.

– Каждый день?

– Каждый день, если хотим, а у вас?

– У нас... я халву раз в жизни ел. За халвой я в город шел.

Три дня туда, три дня назад, день там.

– Ты так ее любишь?

– Не для меня, для Ашат. Она заболела, все ей кажется горьким, а ей молоко пить нужно. Вот я и подумал, если достать халвы, может, ей станет лучше?

Маташ задумалась.

– А кто такая Ашат?

– Ашат? – Ишан прикрыл глаза, вспоминая образ. – Она высокая, почти такая, как я, стройная, как кипарис. Волосы у нее черные, как самая темная ночь, а глаза синие, как небо. Ее улыбка похожа на радугу после дождя...

Когда он замолчал, Маташ долго ничего не говорила, смотрела вдаль, и взгляд у нее был странный.

– А я? – наконец сказала девочка, – какая я?

– Ты? Ты маленькая, гибкая, как молодая ива, волосы у тебя черные, как перья в крыле ворона, глаза бирюзовые, как

глубокие озера, а смех, как журчание весеннего ручья...

И опять Маташ долго молчала.

– Отец мог тебя убить, – наконец сказала она.

Ишан поколебался, но сказал:

– Мне кажется, твой отец многих убил.

Но Маташ не обиделась.

– Все – это все. А ты в камне разглядел дракона, в моих глазах – озера, в улыбке Ашат – радугу. Ты особенный.

Пользуясь случаем, Ишан попросил:

– Отрежь мне халвы... не для еды.

Она молча отрезала длинный узкий кусок, положила в тыквенную бутылку с широким горлышком:

– На.

– Спасибо.

– Ты давно ее знаешь?

– Ашат? Все четырнадцать лет, мы вместе росли.

– А теперь ты меня будешь видеть четырнадцать лет, ты не уйдешь отсюда.

Маташ негромко сказала, но зло. Поделом тебе, Ишан, нечего язык распускать, не забывай, где ты и в качестве кого.

Ближе к вечеру появился Сакрам. Ишан как раз Маташ рассказывал сказку деда Ширшана. Сначала в воздухе возник маленький смерч, а потом на его месте оказался человек. На руках у него был уже знакомый Ишану черный волк. – Иди, – сказал Сакрам, опуская животное. Волк отбежал в

сторону и лег невдалеке, глядя на Ишана.

Сакрам казался довольным.

– Ну как провели день? – весело спросил он.

– Хорошо, – сказала Маташ.

– Я рад, что ты не ошиблась. Ну, угощай отца.

Пока поели, село солнце, наступила темнота.

– Спать, – зевнул Сакрам, – завтра тяжелый день, спать.

Утром Ишан проснулся рано. Увидел купол шатра, сначала не понял, где он, потом вспомнил. С утра все беды кажутся не такими страшными, хоть понимал Ишан, что положение его непростое, не хотелось ему унывать. Остальные еще спали, и Ишан осторожно, чтобы не разбудить их, вышел наружу.

Холодный утренний воздух взбодрил тело, Ишан поежился и замер – в двух шагах от него сидел Шамсин и смотрел не отрываясь. Злой это был взгляд, нехороший. Ишан почувствовал, что хочет бежать; знает, что бесполезно, волк в два прыжка его догонит, и все равно хочет. Потому что в Ишане говорит страх. Так дело не пойдет, сам себе сказал Ишан и направился к очагу. Там он набрал в ладонь мяса из вчерашнего плова и подошел к волку.

– Вот, держи, – дружелюбно сказал мальчишка, высыпая мясо рядом с животным, – друзьями мы может и не станем, но не обязательно быть вра...

Он не успел ничего сделать, как острая боль ожгла правую руку. Ишан охнул и закусил губу.

– Будешь знать, – раздался сзади веселый голос Сакрама. – С Шамсином шутки плохи. Кусай его, Шамсинчик, но убивать без приказа не смей. Понял?

Волк посмотрел на хозяина и с недовольным видом пошел прочь. Видимо, ему очень хотелось загрызть мальчишку. Ишан поморщился, на траву из раны капала кровь...

Завтракали на поляне отварным сладким рисом. Рука у Ишана была аккуратно перевязана чистой тряпкой и почти не болела. Когда приступили к чаепитию, Сакрам хлопнул в ладоши и сказал:

– Ну теперь я могу удовлетворить твоё любопытство, мальчик. Хочешь?

Ишан кивнул.

– Представь себе, что когда-то жил на свете чародей. Тысячу лет жил, две, устал, захотел смерти. А умереть нельзя, пока не отдаст свою силу кому-то. А отдавать некому. Можно лететь к людям, похитить человека, передать ему... но это время, а чародею хочется уже сейчас. И решил он оживить камень и сразу передать ему свою силу. А там пускай новый чародей сам думает, куда и как ее применять. Сказал – сделал, опустил руки, ушла сила. И чародей упал замертво. Но не заметил он, что в расселине камня притаилась змея. Она и приняла всю силу. Догадываешься, кто был той змеей?

– Вы.

– Было несложно, верно. С тех пор я создал себе свой мир, построил в нем дом, здесь я живу. А в твой мир я время от

времени наведываюсь. Там у меня высокая должность, обязанности.

– А зачем вам это? Разве это не обременительно?

– Обременительно. Особенно тяжело присутствовать на советах нашего «мудрейшего из мудрейших», ведь он глупее камня. Но обязанности помогают сносить бремя бессмертия. Я же не хочу потерять вкус к жизни, как мой предшественник, – Сакрам засмеялся.

– А кто такой Шамсин?

– Шамсин, – чародей стал серьезен. – Человек – царь природы, с этим трудно спорить. Разве человек сильнее тигра и ловчее барса? Но человек победил всех, занял трон царя, действуя умом и хитростью, силками и капканами. Поэтому если хочешь иметь сильного слугу, бери человека, его ум и хитрость. Когда-то Шамсин был человеком. Я дал ему новый облик, заставил забыть прошлое. Теперь он служит мне, он гроза овечьих отар.

– Шамсин совсем не помнит, кем он был?

– Совсем. Он силится вспомнить и не может.

– А если ему сказать?

Сакрам улыбнулся.

– Слова без чувства – пустой звук. Скажи слово боль, кто поморщится? А вот укуси кого-то за руку, сердце в пятки прыгнет, ноги сами побегут, верно? Знать мало, нужно чувствовать.

Ишан слушал очень внимательно, старался не пропустить

ни одного слова. Когда хозяин закончил, он немедленно задал еще один вопрос:

– А суд? У одной сестры вы забрали все и отдали второй, зачем?

– Для большого дела одного человека, даже такого как я, мало, нужны помощники. Старшая сестра подходила мне, я ей помог. Но ты, как я вижу, любопытен, мой мальчик.

На этот раз Сакрам говорил серьезно, взглядом подозрительно бурил собеседника. Ишан понял, что самое время прекратить расспросы, а то ему грозит немилость. И он принялся пить остывший чай.

После чая Сакрам зашел в шатер, сменил халат.

– Мне пора, буду к вечеру. Пошли, Шамсин.

Волк прыгнул на руки хозяина. Снова смерч, и словно никого не было.

Ишану очень хотелось побыть наедине, подумать. И здесь ему повезло.

– Я сготовлю еду, а потом буду свободна, – сказала Маташ. – Посидишь сам?

Его это больше чем устраивало. Подождав, пока девушка ушла к очагу, Ишан завалился на траву и принялся думать о том, что ему сообщил Сакрам. То, что он чародей, Ишан и так догадался. Важно другое: слова о том, что человек – царь природы, он покориł себе остальных... Но сам Сакрам – не человек. Его род происходит от змеи. Значит ли это, что людской род Сакрам ненавидит? Наверное, да. Иначе,

зачем такой жестокий поступок с Шамсином? Зачем тревожить пастухов набегами на стада? И еще сестры. Старшая сестра – злая. Она готова была убить коз, чтобы ей достались шкуры, дети сестры ее не заботили. Такой человек по душе Сакраму, он ей помог. Значит, его цель – мстить людям. Одного человека для такой задачи мало... Да, он находит злых людей, возносит их, чтобы они вымещали свою злобу на других. Вот какая у него цель. А теперь еще вопрос. Почему Сакрам с тобой так откровенен? Ответ один – потому что ты никому не расскажешь, ты отсюда не уйдешь. На миг Ишану стало страшно, но он взял себя в руки. Три дня туда, три дня оттуда, день там. У меня есть семь дней и я уже достал халву. Семь дней я могу не беспокоиться, я в городе. Ишан вздохнул и пошел рвать траву...

Пока Маташ готовила еду, он наделал ей из пучков травы кукол. Невесть какие получились фигуры, но Маташ, когда увидела, руками всплеснула. Какие милые! Взяла их, стала кружиться, пританцовывать, петь. Ишан усмехнулся, нашел куст саксаула, вырезал маленький стол, чурбачки вместо стульев. Потом натянул кусок материи на прутья, получился маленький шатер. Радости девушки не было предела. Она посадила кукол на чурбачки, дала имена.

– Почему у меня раньше всего этого не было!

Тут она уже сама играла, за кукол слова произносила. Ишан сидел в стороне, улыбался, родной аул вспоминал. Потом очнулся – тишина, Маташ на него смотрит, глаз не от-

рывает.

– О чем ты сейчас думал?

– Я? – смутился Ишан. – Думал, не испортится ли халва.

– Я ее в тень положила, но лучше бы тебе ее съесть самому.

– Я не голоден.

– Разве халву едят от голода?

– Я просто не хочу.

– А если я попрошу?

– Я не хочу.

– А если я очень попрошу?

– Говорю же, не хочу.

Она закусила губу.

– Ты все время о ней думаешь. Тело твое здесь, мысли там. Как мне сделать, чтобы ты думал не о ней, а обо мне?

Ишан смутился, но ответил.

– Возьми ее лицо, ее тело, ее сердце, ее мысли...

– Даже отец не сможет этого... Но, может, мне попросить его, чтобы ты потерял память?

– Тогда я стану таким, как Шамсин.

Маташ отвернулась. Ишан готов был поклясться, что в глазах у девушки слезы.

– Есть хочешь?

– Хочу.

– Пошли.

Он опять уминал за троих. Маташ ела мало, смотрела на

него.

– Почему ты так много ешь, больше, чем отец?

– Ты действительно ничего о нас не знаешь?

– Мало... Только то, что издалека, с высоты вижу.

Догадка озарила разум Ишана.

– Так ты... беркут?

– Отец иногда берет меня на прогулку. Но это редко бывает.

Ишан задумался, а потом рассказал ей о бедных и богатых, о чиновниках и судьях, о налогах. О том, как иногда единственной пищей бедняка является вода из арыка...

– Мой отец судья, – задумчиво сказала Маташ, когда он окончил. – Зачем ему должность, ведь у него все есть?

Сказать? – подумал Ишан. Но стоит ли настраивать дочь против отца.

– Он же сказал, чтобы не было скучно.

– Иногда я его не понимаю, – тихо сказала девушка. – Зачем ему Шамсин? Он такой злой. А маленький был милый.

– Шамсина принесли щенком?

– Да. Такой черный, пушистый комочек...

Она замолчала, на поляне появился смерч.

Третий день ничего особенного не принес. Сакрам ушел с самого утра, не завтракая. Ишан, пока Маташ пекла лепешки, смастерил ей еще пару кукол. Потом они пошли гулять. Впрочем, гулять – одно название, дошли до края поляны, сели на траву. Ишан снова стал расспрашивать:

– Не обидишься, если спрошу?

– Спрашивай.

– Кто была твоя мать?

– Человек. Отец ее где-то украл. Я ее плохо помню, она умерла, когда мне было семь лет.

– Почему она умерла?

– Не знаю... Возможно, с тоски. Здесь очень тоскливо.

– И еще... Как думаешь, твоя мать любила отца?

– Нет, боялась.

– Тебе было семь лет...

– Раз говорю, значит, знаю...

Ишан не ответил. Маташ помолчала, потом продолжила:

– Она учила меня готовить. Я не хотела, а она говорила: «Учись, Маташ. Это самое большое счастье для женщины – приготовить много еды и смотреть, как мужчина ест». Я ее тогда не понимала...

Сакрам вернулся в дурном настроении. Ни слова не говоря, сел в шатре. Маташ так же молча подала ему плов. Сакрам поел, пошел и сел на свой камень. На поляне застыла гнетущая тишина. Ишан физически ощущал, как ненависть, исходящая от этого человека, гнетет остальных. Во всяком случае, за себя он ручался. Всей душой чувствовал Ишан, как вместо спокойной уверенности, которая была на душе совсем недавно, его охватывает отчаяние. Теперь Ишан уверен в бесплезности борьбы. К чему он узнает новые подробности жизни этой семьи? Разве непонятно, что он здесь на-

всегда? Будет мастерить кукол на потеху Маташ, да лопать плов до отвала. Только зачем ему этот плов. Лучше страдать от голода в своем ауле, рядом с Ашат.

Спустилось солнце, коснувшись нижним краем горизонта. Не осознавая, что он делает, Ишан сел и сам себе тихо запел колыбельную:

Спи, малыш.

Я накрыла тебя одеялом

Из теплого верблюжьего меха.

Спи, малыш,

И радуйся, пока тебе не нужно

Вставать до зари и работать

До поздней ночи.

Это время придет, очень скоро придет,

А пока... спи, малыш.

В темноте послышалось ворчание Шамсина.

– Пора спать, – поднялся Сакрам.

На следующее утро тоска ушла. Нельзя сказать, чтобы на душе у Ишана стало светло и ясно, но он был готов к дальнейшей борьбе. Может быть, его усилия ни к чему не приведут, но сдаваться он не собирается. Нужно только придумать, о чем спросить, здесь вопросы – его единственное оружие. Как же спросить, чтобы побольнее...

Когда проснулись остальные, и все сели за стол, Ишан начал:

– Я вот о чем подумал, уважаемый хозяин. Вот вы такой могучий. Вы тоже создали свой мир, такой, какой сделал Создатель. Пускай он не такой большой, но в нем все то же, что и в большом мире: и трава, и деревья. Животных я не видел, но они, наверное, тоже есть, или их можно сделать...

Рука с лепешкой застыла на полпути ко рту.

– Продолжай, – тихо сказал Сакрам.

– И я подумал, вы такой же великий, как Создатель. Пускай ваш мир меньше, но, наверное, вы можете создать больший мир, просто вам было достаточно и этого. Я прав?

Сакрам усмехнулся:

– Нет, ты не прав. А знаешь, почему? Создатель делал жизнь из ничего, мне же для этого нужно что-то, форма. Пускай я могу оживить камень, или заставить окаменеть жизнь, но я не могу сотворить камень из ничего, ясно?

– Ясно.

Кажется, колдун не рассердился, а Ишан на это рассчитывал. Сильные люди не любят, когда им указывают на их слабости. Однако присмотревшись, Ишан заметил, что по лбу хозяина пролегла упрямая складка. Пролегла и не уходит.

Закончив еду, Сакрам прошелся по окрестностям. Заметил кукол под кустом, остановился, усмехнулся. Потом вернулся к остальным, сел на свой камень. Справа, чуть позади, лежал Шамсин, слева Маташ. А прямо перед ним Ишан.

– Мне жаль, дочка...

– Чего? – спросила Маташ, не поднимая глаз.

– Что я послушал тебя. Мы не должны были брать сюда этого человека.

– Но он хорошо играет со мной, я довольна.

– Нет, дочь, здесь мало хорошего. Ты прячешь от меня глаза, Шамсин ночью во сне скулил. А ведь не прошло и четырех дней с тех пор, как он появился здесь. Он должен...

– Нет!

– Он должен умереть.

Ишан хотел вскочить, но почувствовал, что не может пошевелиться. Правый глаз чародея пристально смотрел на него, парализуя жертву. Рядом безуспешно пыталась подняться Маташ, второй глаз приковал к месту и ее. И тут Ишан увидел, как образ хозяина как-то изменяется, сквозь него проглядывает гибкое темное тело змеи. Гюрза. Сейчас она ужалит...

В воздухе мелькнуло черное тело, Шамсин прыгнул, не издав ни звука. Змея резко изогнулась назад, ужалив врага. Спереди-назад, снизу-вверх. На это потребовался всего лишь миг, но за этот миг Маташ освободилась, и еще одно гибкое тело пресмыкающегося ринулось вперед. Они ударились и тут же отпрянули назад.

Все это случилось так быстро, что Ишан не успел пошевелиться. События доходили к нему с запозданием. На траве лежит Шамсин, его безжизненные глаза смотрят вверх, в них отражается небо. Маташ лежит на боку в ее глазах отражается трава. Сакрам полусидит, тело дергается.

– За что, Маташ? За что, дочь?

Она умерла, хотел сказать Ишан, но она еще жила.

– В моих глазах он увидел озера, отец.

– Шамсин слышал колыбельную, вспомнил себя, глупый щенок, но ты же моя плоть и кровь.

– И кровь моей матери.

– Что мог дать тебе нищий в дырявом халате?

– В моих глазах он увидел озера, отец.

– Неужели глупые слова и куклы значили для тебя так много?

Она не ответила.

Сакрам посмотрел на Ишана. – Всего три дня, – прошептал он, – всего три дня... Налетел вихрь, он подхватил Ишана, и наступила темнота...

Он очнулся возле дороги, в том месте, откуда его унесли. Рядом валялись вещи. Шатер, обрывки ленточек, с помощью которых он вязал кукол, посуда. Ишан взял лишь тыквенную бутылку с широким горлышком.

После пережитого ноги слушались с трудом, но Ишан упрямо шагал по дороге в аул. В руке он сжимал бутылку с халвой для Ашат...

Книга

Он стоял у стола в своем недорогом клетчатом пиджаке и кепочке, высокий, слегка сутулый, а директор задавал во-

просы.

– Педагогическое образование?

– Нет.

– А кем до войны работали?

– Наборщик в печатной мастерской.

– А во время войны?

– Сержант, пехотинец, шестой участок.

– Куда ранены?

– Осколок в правом легком, и поврежден сустав правой руки.

– Свои дети есть?

– Нет.

– Мда, – директор комиссии по надзору за детьми встал и, неловко прихрамывая на протез, подошел к карте. – Я про-сил кого-то, кто имеет хоть какое-то отношение к детям, но видимо, вы единственный, кого им удалось разыскать.

– Я пытался отказаться, – кивнул Спок, – но мне сказали, что у них действительно больше никого нет.

Наступила долгая пауза. Оба собеседника смотрели на карту города и думали о том, что было им известно, что было известно каждому жителю города и, наверное, всем лю-дям в стране. Аквианийцы подошли к городу внезапно, но взять сходу не смогли, обложили осадой. Фронт откатился на сто километров южнее, но со своими город связывала река. Водный путь был узкий, простреливался с обеих сторон, тем не менее по нему к осажденным шли баржи, подвозившие

боеприпасы и редкое подкрепление. Ситуация на их участке фронта была сложная, поэтому не стоило надеяться на быстрое снятие блокады. Но пока врагу не удалось перерезать путь, по которому шло снабжение, город можно было удерживать, так как основные силы аквианийцев тоже ушли вперед. После двух неудачных штурмов, бои свелись к бесконечным маневрам в попытке нащупать слабый участок и, захватив пристань, взять город в кольцо. Бойцов катастрофически не хватало, поэтому все, кто мог быть полезен на линии обороны, ушли туда. В самом городе остались лишь старики, женщины, раненые и дети.

– Вы не переживайте, – наконец нарушил паузу директор. – Эта группа – не беспризорники, а дети из благополучных семей. Они знают, что вечером нужно чистить зубы, а есть вилкой и ножом. Мы направили к ним нянечку, но женщина в возрасте, и ей тяжело за ними угнаться.

– Я понял, – кивнул Спок и как-то по-детски откровенно признался: – Не представляю, чем я их буду занимать.

– Вы уж придумайте что-то, – ласково попросил директор. – Поиграйте, почитайте...

– Хорошо, – снова кивнул Спок и попрощался.

Полная, вся в морщинах старушка по имени Рогедда была туговата на ухо. Она исполняла обязанности повара и уборщицы одновременно, поэтому возиться с малышами женщины не было, разумеется, некогда.

– Старая я, – доверительно пояснила она Споку, – семь-

десять четыре года уже, не шутка. Они меня обстановку на фронте спрашивают, а откуда мне знать. Ты уж займись ими, милый, а я кормить вас буду. Жалко их, птишек божьих, многие сиротами остались.

— Понятно, — сказал Спок и пошел к детям.

В четвертой младшей группе были дети от пяти до семи лет. Восемь мальчиков и двенадцать девочек. Это действительно были «домашние» дети, им сказали сидеть тихо, и они сидели. Правда, при этом им не объяснили, чем заниматься, поэтому дети разговаривали. О чем они говорили, Спок не услышал, при его появлении дети дружно замолчали и настороженно посмотрели на взрослого.

— Здравствуйте, — как можно веселее сказал Спок, — я ваш новый воспитатель, зовут меня Спок Желудевый, можете звать меня просто Спок.

— Вы с фронта? — тихо спросил его белобрысый мальчишка в голубых шортах.

— Да.

— А какая там сейчас обстановка?

Обстановку Спок не знал, в газетах писали что-то неопределенное. Видимо, наступило то равновесие сил, которое отражается в сводках, как «непрерывные бои местного масштаба». Когда один и тот же населенный пункт десятки раз переходит из рук в руки. Тем не менее, дети надеялись на человека «оттуда», и от того, что он им сейчас скажет, во многом зависело развитие их дальнейших отношений.

– Обстановка, – медленно сказал Спок. – Вот что, давайте договоримся: поменьше говорить об обстановке на фронте. Мы можем проговориться, где стоит какая часть, или еще о чем-то важном. А вдруг об этом услышит шпион, что тогда?

Дети стали опасливо оборачиваться, словно сзади за скамейкой уже сидели шпионы, выставив длинные уши. В то же время они уважительно молчали, показывая, что поняли и приняли к сведению его предложение.

– Давайте знакомиться, – продолжал Спок.

Он ужасно нервничал и старался не дать ребятам захватить инициативу. Все время говорить, отвлекать их и так дотянуть до вечера. А там – в кровати и спать. Новый воспитатель достал из кармана список и стал называть имена и фамилии детей. Когда доходила очередь, они вставали или поднимали руку. Иногда он путался, неправильно произносил, и тогда они поправляли, не смеялись, даже если получалось смешно.

– Минт Фаясный.

– Феясный, я.

– Извини. Хина Ласковая.

– Я.

Надеюсь, ты не дочь Ренуги Ласкового, рядового седьмой роты. Его, беднягу, разорвало миной на моих глазах.

– Артур Вишневый.

– Я...

– Чем вы тут занимаетесь? – поинтересовался Спок, когда

знакомство было окончено.

– Ждем, – ответил белобрысый, Спок уже знал, что его зовут Кленка, – когда обед подадут.

– И долго ждать?

Кленка посмотрел на большие часы на стене в виде кота с хвостом-маятником.

– Два часа.

– Почему бы вам не поиграть?

– Во что? – спросил кто-то.

– Ну... в прятки, в салки.

Они засмеялись. Не грустно, но и не зашлись хохотом. Вежливо засмеялись.

– В салки и прятки мы каждый день играли, нам надое-
ло, – пояснил темный, давно не стриженный мальчишка.

– Тогда, – задумался Спок, желая предложить какую-то игру своих детских лет. Но в голове крутились сплошные «стукалки», «ножики», «щипалки», «щелбаны», бандитские, словом, игры, и он предложил: – Тогда пройдемся, осмотрим территорию.

Детский дом был большой. Когда-то это был двухэтажный особняк, принадлежавший какому-то банкиру. Потом банк разорился, здание реквизируют под детский дом, и поселили детей. Особняк вмещал более семисот маленьких людей, три фабричных района. Когда аквианийцы прорвались и неожиданно подошли к городу, всех детей спешно эвакуировали, и дом остался пустовать. Четвертая младшая группа

появилась позже. Из детей тех, кто оборонял город, и кого не успели увезти. Так что двадцать детей сейчас занимали место, предназначенное для семисот.

Во дворе царил беспорядок – следствие поспешного отъезда. Опрокинутые деревянные качели. Можно починить? Нет, треснула ось, заменить ее нечем. Песочница без песка с проломленным бортом. Видимо, грузовик сдавал назад и не рассчитал. Битые кирпичи, мусор... Спок остановился возле двух труб в рост человека, лежащих одна на другой крестом. Еще одну такого диаметра, но короче, он видел возле песочницы.

– Вот из них, – сказал воспитатель, – можно сделать турник.

– А как их соединить? – немедленно поинтересовался Кленка.

– Болтами. Просверлить отверстия, соединить болтами, вкопать в землю.

Идея понравилась. Все немедленно отправились в подвал искать инструмент. Через полчаса ожесточенных поисков на свет были извлечены две лопаты, три молотка, с десятков ржавых болтов, плоскогубцы, ножовка по металлу с запасными полотнами, ножовка по дереву, садовые ножницы и метровый кусок стальной проволоки.

Да, с тоской подумал Спок, задумчиво глядя на инструмент, вместо одного молотка не мешало бы одну дрель да сверла. Как трубы скрепить, проволокой что ли?

– И как мы скрепим трубы? – высказал вслух то, о чем думал Спок, высокий мальчишка с по-детски пухлыми щеками. Кажется, его звали Артур.

– Не знаю, – признался Спок. – Наверное, не получится без дрели. Я подумаю, где ее найти.

Ребята ответили молчанием, было грустно отказываться от интересной затеи, захватившей всех с головой.

– А можно и без дрели, – вдруг сказал Кленка.

Все взгляды немедленно обратились к нему.

– Как? – поинтересовался Спок.

Пропилить надрезы и в них вставить болты.

А ведь и впрямь можно, восхитился Спок, а вслух сказал: – Молодец, так и сделаем.

Все немедленно захотели работать, даже девочки, но тут Рогедда позвала их обедать. Все стали ворчать, что есть они не хотят, тут у них работа, но Спок быстро прекратил возмущение.

– Сделаем так: я разделю вас на две бригады. Одна пойдет есть, другая будет работать. Потом поменяемся.

Шесть девочек и четыре мальчика во главе с Кленкой пошли обедать, а остальные остались со Споком. Двоих мальчишек покрепче он поставил делать пропилы, а остальные начали посменно копать ямы под турник. Скоро Спок понял, что восемь человек на две лопаты это много, и послал четверых таскать к ямам кирпичи. Вскоре вернулся Кленка со своей бригадой. Было ясно, что дети торопились, у многих

на щеках виднелись остатки каши.

Когда его бригада пошла обедать, Спок хотел остаться, но бригада Кленки закричала, что это нечестно, что они, может, тоже хотели остаться, а вот пошли же! Пришлось идти в столовую. Там он не без удовольствия, так как второпях не позавтракал, умял большую тарелку пшенной каши с сухарями.

Они вернулись вовремя, бригада Кленки уже соединила столбы и пыталась установить всю конструкцию в ямы. Спок остановил ребят, зажал покрепче гайки, накрутил сверху еще по одной дополнительной, а потом заставил детей углубить ямы. Они подчинились беспрекословно, причем длинноногая девочка в короткой клетчатой юбке, с волосами собранными в хвост, тихо прошипела Кленке: – Я же говорила, глубже. На что мальчишка ответил ей еще тише и еще яростнее, что именно, Спок не услышал.

Спок заставил вкопать столбы на добрый метр, так как у них не было цемента, и турник получился низковат. Дети, за исключением немногих, могли висеть на нем только подогнув ноги. Тем не менее это был ИХ турник, и остаток дня ребята провели, болтаясь на перекладине, пробуя сооружение на прочность. Глубоко вкопанный в землю, удерживаемый кирпичами и землей, турник стоял крепко, и ребята остались довольны.

Наступил вечер, которого Спок так ждал и которого так боялся. Потому что вечером не погонишь ребят таскать кир-

пичи или копать землю, вечером они лежат в кроватях и ждут от тебя колыбельной, или к чему они там дома привыкли. Опасения его, как выяснилось, были не напрасны.

Мальчики и девочки спали в одной комнате, разделенной двумя веревками с развешанными одеялами. Свободным оставался лишь проход между кроватями. Спок сел на границе спален, чтобы видеть всех детей. Спать они не хотели и, хотя не галдели, но и лежать тихо не могли. То один, то другой бросал реплику, и немедленно оживала вся спальня. Спок решил терпеливо ждать, когда сон сморит ребят, но пока сон одолевал лишь его самого.

Дети поговорили о том, как сегодня было классно, потом о том, нельзя ли сделать еще один турник. Потом они успокоились, наступил спокойный промежуток. Спок надеялся, что это уже все, но надеждам этим не суждено было сбыться.

– Дядя Спок, – вдруг спросила самая маленькая девочка по имени Рина, – а когда война закончится?

И сразу стало тихо, и двадцать пар глаз уставились на тощую, согнутую фигуру на стуле.

– Не знаю, – тихо ответил Спок, – не знаю, Рина.

– А она быстро закончится? – упорствовала девочка.

Что мог ответить он? Что вряд ли, так как война приняла затяжной характер, а дело идет к зиме, когда о наступательных операциях забывают до потепления.

– Не знаю, Рина, – снова ответил он и, предупреждая следующий вопрос, быстро спросил:

– А хотите, я вам почитаю?

– Хотим, а что? – немедленно загалдели они.

– А что у вас есть?

– Ничего, – ответил чей-то грустный голос.

Такого удара Спок не ожидал, поэтому удивился:

– Как ничего?

– А вот так, – теперь Спок видел, что это говорит один из ребят, который был в его бригаде и пилил трубу, – все книги увезли.

– Все-все? – глупо переспросил он.

– Все, – хором сказали они.

И стало Споку ясно, что вот сейчас дети уже поняли, что чтения не будет, но он должен что-то придумать, просто обязан, потому что они настроились, потому что опять начнут спрашивать, когда война закончится, и все ли родители вернутся. А врать им нельзя, но и правду говорить тоже нельзя.

И улыбнулся Спок весело, чтобы все поняли, что ерунда это, что он, Спок, все предусмотрел, и такая мелочь не может расстроить их планы. И когда его улыбка подействовала, когда они ободрились, Спок сказал:

– Плохо, что книжки увезли. Но, к счастью, у меня есть с собой одна книга, я вам ее почитаю.

Подошел он к своей тумбочке, потянулся к чемоданчику, в котором лежали все его вещи, достал из него толстую потрепанную книжку.

– Ого, – восторженно сказал кто-то, – а что это?

– Детские рассказы, сказки, – ответил Спок, садясь на стул и открывая книгу.

– А кто автор? – это уже Кленка спросил.

– Разные авторы, Кленка.

– Разные авторы – это хорошо, потому что один автор может всем не понравиться, тогда мы другого почитаем.

– Верно.

– А вы почитайте сказку, которую я не знаю.

– Эту ты не знаешь. Вы укрывайтесь, а я начну.

И прочитал он им историю о могучем орле Гаруде, обманувшем коварных змей. Спок не соврал, никто из детей не слышал раньше эту сказку. Когда он закончил, в обеих «спальнях» царила тишина. Не давая возможности своим подопечным опомниться, Спок пожелал им спокойной ночи и прикрутил фитиль лампы.

Видно он перебил себе сон, потому что долго ворочался на скрипучей кровати. А когда пришла спасительная дремота, предвестник сна, зашевелился осколок, отдаваясь глухой болью в правой части груди. Мучительно хотелось курить, но курить было нельзя, и Спок терпеливо лежал и ждал, когда успокоится боль. Боль долго не стихала, но Спок лежал, не двигаясь, и вскоре после того как часы пробили два, он уснул.

На следующий день дети проснулись рано. Умылись, оделись, позавтракали и стали ждать, что им предложит Спок. А он уже был к этому готов. Он понял, что всегда нужно быть

готовым предложить им что-то, тогда все будет тип-топ.

– Я подумал, – сказал Спок, – что несправедливо, когда один человек делает сразу две работы.

Дети согласились, что это несправедливо.

– Тогда освободим Рогедду от обязанностей уборщицы, хватит с нее и повара. Сможем мы сами убирать свою игровую комнату, столовую и спальню?

Все загалдели, что смогут. Опять разделились на две вчерашние бригады. Бригада Кленки осталась убирать, а остальные пошли со Споком во двор. Здесь он предложил им восстановить песочницу. Битый час искали подходящую доску, да так и не нашли. Потом пришла бригада Кленки, и кто-то из ребят вспомнил, что видел в столовой доску, возможно, она подойдет. Пошли в столовую, и там за дверью действительно была доска и как раз такая, какая им была нужна.

Возились с песочницей до самого обеда, а потом до вечера искали песок, правда, безрезультатно, но Споку важно было тянуть время. А вечером опять была палата, но на этот раз все уже знали что будет, и с нетерпением ждали, когда он достанет книгу. В тот вечер они слушали, как Гаруда проник в пещеру к ледяному королю и победил его.

– А можно картинки посмотреть? – вскочила с кровати Рина, когда Спок закончил.

– Быстро ляг, – рассердился он, но, заметив, что лицо у девочки скривилось, готовое заплакать, пояснил: – Я очень боюсь, что кто-то из вас заболит, цементный пол холодный.

А картинок здесь нет.

– Совсем нет? – удивился Артур.

– Совсем, это книга для старших детей.

– А посмотреть ее можно? – спросила Лиина, самая старшая из девочек.

Спок задумался.

– Я могу дать посмотреть кому-то, – наконец сказал он, и закашлялся, – но не всем. А если я не дам кому-то, то остальным станет обидно. Лучше уж я никому ее не дам.

– А почему нельзя всем? – тихо поинтересовался Кленка.

– Потому что тогда от книги может ничего не остаться, она и так ветхая.

– Не рвать же мы ее будем, – фыркнул мальчишка.

Но тут села та длинноногая девочка с хвостом, Спок уже знал, что у нее красивое имя – Альтира, – и возмущенно сказала, что это правильно, что некоторым людям ничего давать в руки нельзя, разве что бревно или молоток. Что они берут чужие игрушки, а потом их ломают, да, ломают! Кленка побледнел, потом покраснел, но сказал, что некоторые люди жутко злопамятны, но он, Кленка... что именно хотел сказать мальчишка, никто не узнал, потому что Спок остановил спор и сказал, что время спать, иначе он прекратит дальнейшие чтения. Что же касается книги, то лучше никому ее не давать, потому что книга у них всего одна, и вдруг с ней что-то случится. Он даже будет прятать ее в шкафчик и запирать на ключ. Все согласились, что так будет лучше.

- А про Гаруду еще есть сказки? – зевая, спросила Рина.
- Не знаю, – признался Спок.
- А вы оглавление посмотрите, – посоветовал Артур.
- А оглавления-то у нее как раз и нет, – признался Спок. –

Потерялось.

Это еще больше убедило детей в том, что нужно беречь книгу.

Так у них сложился режим. Днем они убирали комнату, чинили площадку, играли, а вечером читали. Долго не было сказок про Гаруду, а были про гномов Вика и Труся. Правда те, кто читал эти сказки раньше, говорили, что они помнили их немного не такими, но Спок говорил, что так бывает, что разные народы сохранили одни и те же сказки, внося свои изменения. Потом наступила осень, пошли дожди, и во дворе уже не работали. Тут уж приходилось читать по три, четыре сказки в день. К большой радости ребят, снова появились сказки про их долгожданного Гаруду. Могучий орел так полюбился всем, что они даже стали играть в Гаруду, проигрывая сказки и добавляя от себя. Лучше всех Гаруда получался у Кленки, было в мальчишке что-то задорное, боевое, как в знаменитом орле.

А потом Спок заболел. Это случилось в первый день зимы, хотя зимой еще и не пахло, и хорошо, что не пахло, дров было мало. Дети утром встали, а Спока нигде не было. Они пошли его искать, а Рогедда, утирая слезы, сказала, что у него зашевелился осколок, и ночью его забрали в госпиталь.

Вечером к ним пришел директор, так как замены воспитателю не нашли.

– А Спок выживет? – стали спрашивать директора дети.

– Надеюсь, – ответил он.

– А какая обстановка на фронте?

Директор понял, что нужно возвращать группу в прежнее русло.

– А чем вы занимались здесь со Споком? – спросил он.

Галдеж прекратился.

– В последнее время мы больше читали, – сообщила Рина. – Почитайте нам про Гаруду, книжка в ящике.

Директор полез в ящик за книжкой, а дети с готовностью улеглись в койки. Директор достал книгу, раскрыл ее, да так и застыл. «Контийско-Аквианийский словарь» было написано на обложке.

– Эта книга? – недоверчиво спросил мужчина.

– Эта, эта, – подтвердили ему, – другой у нас нет. – Читайте.

– Видите ли, – замялся директор, находясь в сильном затруднении.

– Оглавления нет, мы знаем, – сообщил ему Кленка, – но первые две истории про Гаруду, потом про гномов, а потом снова про Гаруду.

– А других книг у вас нет? – попытался выкрутиться директор.

– Нет, все увезли.

Директор понял, в каком положении очутился Спок, не имея ни единой детской книги.

— Что же вы не читаете? — обеспокоенно спросила Альти-ра.

— Видите ли, — смущенно сказал директор, лихорадочно ища путь к спасению. — Видите ли, книжка на староконтийском, я не могу ее прочесть.

— Вот чего Спок ее так берег, — понимающе сказал Кленка. — Ей тыщу лет, наверное.

— Что же делать? — плаксиво спросила Рина, — я хочу про Гаруду.

И тихонько стала всхлипывать, утирая глаза ладошками.

Влип, понял директор.

— Да не хнычь ты, — строго сказал Кленка, — я расскажу тебе про Гаруду.

— А откуда ты знаешь, ты что, дальше читал? — удивились ребята.

— Нет, но то, что Спок читал, я помню.

И всю зиму каждый вечер в палате звучала сказка о могучем орле. Директор сначала слушал вместе со всеми, а потом стал потихоньку переписывать себе в тетрадь, на всякий случай. Всего получилось тридцать две истории (ужас, подумал директор и, главное, когда он успел столько придумать!) Цепка детская память, ничего не упустили ребята, хотя нельзя было не заметить, что в изложении Кленки Гаруда получается немного другой, чем в изложении Артура, или

Альтиры. У Кленки он был, в первую очередь, храбрый, у Артура умный, у Альтиры добрый. Каждый хотел добавить любимому орлу что-то свое, главное. Но ведь Спок говорил, что так и должно быть. Что народы сохранили сказки, внося свои изменения...

Передача

В семье Смирновых имел место небольшой скандал.

– Такая удача раз в год выпадает, – всхлипывала Даша.

– Да помоги ты ребенку, – в десятый раз повторяла Вера.

– Что я вам, Господь Бог? – удивлялся Дмитрий Сергеевич.

– А я не верю, что у тебя нет знакомых в этой среде, – многозначительно сказала жена, и Дмитрий Сергеевич понял, что она уже вспомнила. Тогда он вздохнул, почесал затылок и сказал:

– Можно, конечно, Борю попросить.

– Вспомнил! Конечно, Борю, – фыркнула Вера.

– Ой, папочка, – захлопала руками Даша, – а кто он?

– Администратор или... нет, кажется, администратор в Русском театре. Русский и Оперный – не одно и то же, но они там все друг друга знают. Но поймите, – простонал он секунду спустя, – мне обращаться к Боре – это ножом по сердцу!

– Почему? – удивилась дочь.

– Потому что когда-то мы дружили, а теперь почти не об-

щаемся. Причем это я прервал отношения! У него в мае был день Рожденья, я даже не поздравил.

– Поздравь сейчас, – хладнокровно сказала Вера.

– В августе!?

– Папа, но в нашем театре такой скудный репертуар, я четыре раза на «Жизель» ходила. А тут питерская труппа, «Щелкунчик»...

Даша шмыгнула носом, жена сдвинула брови, и Дмитрий Сергеевич понял, что разговор может уйти в опасное русло.

– Хорошо, – вздохнул он, – я позвоню Боре, но ничего не обещаю.

Но все получилось легко и просто. Одноклассник узнал его и обрадовался, а к просьбе отнесся с пониманием.

– Видишь ли, Даша у меня театрал, – смущенно сказал Дмитрий Сергеевич, – а тут такой аншлаги, билетов нет.

– Старик, такой дочкой гордиться нужно, – зарокотала трубка Бориным басом, – моя только электронную музыку слушает, да еще так, чтобы стены вместе с моими нервами вибрировали. Ладно, я сейчас узнаю что да как, и позвоню тебе, телефон не изменился?

– Нет, нет.

– Ну все, жди.

Он позвонил через полчаса.

– Старик, я все уладил, – Боря был явно доволен собой. – Там всем приезжие заправляют, даже билетеров своих поставили. Но рабочие наши, и командует ими наш помреж,

Костя, мой друг. Сегодня я его увижу, он мне даст билет без места. Твоя зайдет ко мне, и дело в шляпе.

– Спасибо, Боря, – обрадовался Дмитрий Сергеевич, – вручил.

– О чем речь. Только вот еще, – голос Бори стал озабоченным, – я Косте бутылку коньяка обещал, сделаешь? Коньяк может быть не супер, но и не «Десна».

– Конечно, конечно, – замахал трубке рукой Дмитрий Сергеевич.

– Пускай твоя найдет Костю и передаст.

– Не беспокойся, все сделаю.

Женщины восприняли новость восторженно.

– А ты ломал руки, – укоризненно сказала Вера. – Человек все понимает.

– Папа, ты чудо, – хлопала руками Даша. – Даже если придется стоять, я все равно буду рада.

– Ну и чудесно, – потер руками Дмитрий Сергеевич. – Коньяк я армянский куплю, Костя будет рад.

– Папа, а я найду его? – озабоченно спросила дочь.

– Костя, помощник режиссера, – недовольно сказала Вера, – почему ты его не найдешь. Бутылку в кулек, кулек Косте. И не думай, что такие вещи мы за тебя будем делать.

Дочь робко взглянула на отца, но Вера отрезала:

– Любишь кататься, люби и саночки возить. И нечего смущаться, ты не взятку несешь!

Был следующий день, был вечер, было представление. Да-

ша вернулась, переполненная впечатлениями.

– Мамочка, я действительно простояла весь первый акт! Места свободного не было. Потом уже сердобольная бабушка-билетер сжалилась, принесла мне стул.

– Но понравилось? – улыбнулся Дмитрий Сергеевич.

– Больше чем, – Даша мечтательно подняла руки к потолку и крутнулась на одной ноге.

На следующий вечер в квартире у Смирновых зазвонил телефон.

– Тебя, – позвала мужа Вера.

Дмитрий Сергеевич подошел.

– Да?

– Старик, почему ты меня подводишь? – обиженно про-
басил Боря.

– Где? – испугался Дмитрий Сергеевич.

– Коньяк!

– Коньяк? Какой коньяк?

– Как какой, Косте! Человек со мной не разговаривает, я теряюсь в догадках, еле выяснил.

– Но все вроде было нормально, мы его в кулек и Даше...

– Помню, твоя с кульком была. Так что, она его с друзьями оприходовала?

– Нет, что ты. Слушай, Боря, я занесу тебе бутылку завтра, хорошо?

– Давай, старик, ко мне домой, вечером, после семи?

– Могу.

– Заодно и пива выпьем, у меня есть мировое пиво!

– Хорошо, пока.

– Давай, старик.

Повесив трубку, Дмитрий Сергеевич несколько секунд думал, а потом позвал дочь:

– Даша.

– Что, папа?

– Подойди сюда.

Она подошла.

– Ты отдала бутылку Косте? – строго спросил Дмитрий Сергеевич.

– Отдала, – удивленно ответила дочь.

– Точно?

– Точно.

– Что случилось? – спросила из дальней комнаты Вера.

– Ничего, – отмахнулся Дмитрий Сергеевич и понизил голос: – Как он выглядит?

– Кто?

– Костя!

– Я не знаю, – так же тихо ответила дочь.

– Как это не знаю!?! – шепотом сердился Дмитрий Сергеевич.

– Вот так! Я его не видела! Понимаешь, я пошла за кулисы, а там много народа, все на меня косятся. Я поймала монтера и попросила передать кулек Косте, помощнику режиссера.

– Монтера?

– Да, монтера. Он же должен его знать.

– Да, монтер должен, – убитым голосом сказал Дмитрий Сергеевич, – иди.

Дочь, недоумевая, удалилась, а Дмитрий Сергеевич прислонился к косяку и стал думать, как же тяжело придется детям в этой сложной жизни...

Память

– Вот он, вот он, – прошептал Лешка и толкнул рыжую Нинку в бок.

Из соседнего подъезда вышел старик в коричневом пиджаке и шляпе.

– Вижу, – прошептала девочка и испуганно посмотрела на него. – А ты и вправду это сделаешь?

– А то, – уверенно сказал мальчишка и тряхнул длинными, выгоревшими на жарком солнце вихрами. – Я вчера Бегемотихе в дверь позвонил и убежал. А тут он идет, и сказал Бегемотихе, что я пробегал, ну не я, а мальчишка светлый. А она сразу догадалась, что это я.

– Лешка, да он же не нарочно, он старый уже, ничего не понимает.

– Пускай не выпускают на улицу, раз с мозгами туго.

– Ну, все равно...

– Ты что, боишься?

– Я!?! – Нинка гордо подняла и без того вздернутый носик, усыпанный веснушками. – А что мне, что-то особенное делать нужно? Это же легкотня!

– Тогда пошли.

Предмет их жаркого спора тем временем шаркающей походкой пересек двор и остановился у лужи на дороге. Эта лужа была местной достопримечательностью. Даже в самую жаркую погоду она не высыхала, лишь сжималась в размерах. Зато во время дождя, о, во время дождя лужа разливалась по дороге Черным морем. Не раз и не десять мамы и отцы оттаскивали своих отпрысков от лужи за вихры, но искоренить зло не могли. Чада продолжали бродить по колено в воде, пускать корабли всевозможных конструкций, промокая до простуд и воспалений.

Старик всегда останавливался у лужи, смотрел в ее муть защитно-зеленого цвета. В такие минуты на губах его мелькала улыбка. Впрочем, старик часто улыбался к месту и не к месту. Хотя что значит понятие «к месту» для человека, который уже много лет жил в своем мире?

Павел Афанасьевич страдал тяжелой формой склероза, забывал элементарнейшие вещи.

– Папа, ну переезжай к нам, – не раз говорила Юля, единственная дочь. – Ты же однажды насыплешь себе стирального порошка в суп и отравишься.

– Будет лучше, если я насыплю порошок в суп тебе? – возражал старик и улыбался: – Не волнуйся, дочка, я и так за-

жился на свете, какая мне разница, как это случится?

— Но мне-то не все равно!? — со слезами возражала дочь. — Мне перед соседями стыдно, шушукаются, почему я тебя не заберу.

— Я им объясню, — склонял голову Павел Афанасьевич, — если не забуду.

— Папа, да разве в них дело? Миша вон тоже...

— Юля, — мягко останавливал ее отец, — мне так хочется. У меня так мало радости осталось в жизни. Не отнимай хоть эти стены и мои прогулки.

— Ты же забываешь, как тебя зовут, и где ты живешь!

— Зато я помню, что в правом кармане пиджака лежит бумажка, где ты все подробно написала.

Споры оканчивались ничем, старик упорно стоял на своем, дочь сдавалась.

Гулять старик действительно любил. Плохая ли погода, хорошая ли, выходил на улицу. Не сидел на скамеечке, как прочие почтенные бабушки и дедушки, шел бродить по городу. Иногда возвращался сам, иногда его приводили за руку незнакомые люди, чаще в милицейской форме. Вот и сегодня старик вышел на прогулку, не подозревая, что против него уже составлен заговор. Да и откуда ему было знать, если вчерашнее событие полностью стерлось из памяти?

Подняв, наконец, глаза от мутной поверхности, старик хотел идти дальше, как вдруг заметил, что перед ним стоит девочка в синем платье и босоножках.

- Извините, – вежливо спросила она, – а как вас зовут?
- Зачем тебе? – удивился старик.
- Я жду одного человека, но в лицо его не знаю.

Павел Афанасьевич хотел ответить, но память, как обычно, спала. Тогда он полез в карман, достал бумажку, протянул девочке, потому что видел плохо. Нина развернула, прочитала: Павел Афанасьевич Гостьев. – Нет, мне нужны не вы, – вздохнула девочка. Павел Афанасьевич улыбнулся и не заметил, как сзади в его карман скользнула детская рука со сложенной бумажкой, точь-в-точь такой, которую он отдал.

– Пошли, Нинка, – крикнул Лешка, а это был он, появляясь из-за коричневого пиджака.

– До свидания! – крикнула девочка и побежала прочь.

– Да, да, – улыбнулся старик, глядя, как мелькают две пары ног, обутых в сандалии. Потом испуганно сунул руку в карман и тут же успокоился – бумажка была на месте.

Идя по улице, старик улыбался, вспоминая встретившихся ему детей. Они напомнили ему весну, что была кто знает сколько лет назад, луг, залитый солнцем, мальчишку и девочку, бегущих по лугу и захлебывающихся смехом. Чему они так радовались? Кто же скажет... Яркому весеннему солнышку, ласковому доброму ветерку, мягкой зеленой траве, детству. Глаза Нади искрились, как две яркие звездочки, и Паша, холодея от страха, протянул ей свою руку. Надя без тени смущения подала свою, и дальше они бежали, держась за руки, а вслед им летело счастье...

Павел Афанасьевич остановился, солнце коснулось нижним краем шестнадцатietàжки на западном конце города – время возвращаться. Он попробовал узнать, где находится, но местность вокруг была незнакома. Такое положение вещей стало привычным, Павел Афанасьевич стал осматриваться и, заметив женщину с хозяйственной сумкой, остановил ее.

– Помогите, пожалуйста, – попросил он, доставая из кармана бумажку.

Женщина не без опаски прочитала:

– Иванов Иван Иванович, Пятницкая, тридцать два, квартира два, потеря памяти, отведите домой.

Странно, но сегодня собственные имя и фамилия не вызвали никаких проблесков памяти у Павла Афанасьевича. Видно, память впала в зимнюю спячку, мысленно вздохнул он и улыбнулся женщине просящей улыбкой.

– Я до Весеннего сквера могу вас довести, Пятницкая к нему выходит, – нерешительно сказала женщина.

– А я помогу вам донести сумку, – предложил Павел Афанасьевич.

– Не надо, – не обидно отказалась она. – Там стекло, если нечаянно разобьете, я на вас обижусь, а так – сама разбила, сама себя и буду ругать.

Они рассмеялись и пошли по улице.

Ее звали Анна. Говорили о пустяках. О детях, внуках, ценах, невеселом времени.

— Ну вот и сквер, — сказала Анна, ставя на асфальт сумку. — Пройдете его и направо Пятницкая. К сожалению, не могу провести дальше, внучку из садика нужно забирать.

— Дойду, — засмеялся он. — А если что, спрошу людей, — и потрогал в кармане бумажку, которая была его верным проводником.

Женщина некоторое время смотрела, как мужчина в коричневом пиджаке растворяется между деревьями сквера, потом вздохнула, взяла сумку и стала переходить дорогу.

Павел Афанасьевич некоторое время шел по асфальтовой дорожке, потом залюбовался красавцем дубом, росшим в окружении елей, а потом... с удивлением обнаружил, что он стоит в безлюдном месте, вокруг только деревья. Под ногами хрустели сухие листья, видимо, этот звук и вернул его к реальности. Что ж это я, забеспокоился Павел Афанасьевич, пытаюсь определить, откуда пришел. Но он окончательно потерял направление. Оставалось искать прохожего.

Вокруг не было ни души, но присмотревшись, старик заметил за деревьями силуэт какого-то строения и забор. Когда Павел Афанасьевич приблизился, справа послышалось грозное рычание, потом лязг цепи и лай. Пес силился порвать цепь, а Павел Афанасьевич не обращал на него внимания, терпеливо ждал, пока из домика не вышла пожилая женщина.

— Тихо, Грозный! — крикнула она на пса, и тот послушно замолчал. — Ну? — спросила женщина, глядя на фигуру в ко-

ричневом пиджаке.

– Я заблудился, – взволнованно начал Павел Афанасьевич, – у меня в кармане есть бумажка с адресом... Надя.

Женщина вздрогнула, внимательно и долго ощупывала глазами старика. Морщинистое лицо, покатый лоб, волосы с проседью... И если бы не глаза, эти мечтательно-бездонные глаза, ни за что бы его не узнала.

– Паша, – удивленно сказала она.

Какая-то слабая искорка пробежала в памяти.

– Да, меня так зовут, – с оттенком удивления сказал старик.

– Паша, – не слушая его, радостно сказала женщина, – вот уж не думала... Ты здесь живешь?

– Да, где-то здесь.

– Ну чего же я тебя на улице держу, заходи.

Они вошли в домик, сели в маленькой каморке, где помещались квадратный стол, железная кровать и газовая плита. Надя тут же поставила на плиту чайник.

– А ты что здесь?... – начал Павел Афанасьевич.

– Я сторожем при Зелентресте. – Инструмент здесь хранится, ну вот я и охраняю. Ничего, не жалуюсь, дом – рядом. А ты где живешь?

– Тоже рядом, – отмахнулся он, пристально глядя на нее.

– А ты сразу меня узнал?

– Конечно, сразу, ты ничуть не изменилась.

– Паша, ну скажешь тоже, – смутилась Надя. – Постарела,

потолстела. Просто у тебя память хорошая, я вот тебя еле узнала.

– Слушай, а помнишь наш луг? – возбужденно спросил он. – Помнишь, как мы после пятого класса бегали на девятое мая?

– После пятого? – удивилась она. – Нет, не помню.

– На тебе было голубое ситцевое платье, и ты щеку в лесу поцарапала. А как стемнело, мы картошку пекли...

Когда Юля пришла провести Павла Афанасьевича и обнаружила, что отца еще нет дома, она начала беспокоиться. Впрочем, она всегда беспокоилась, такой уж был характер. Отец много раз терялся, но всякий раз его приводили домой, выручала бумажка. Юле пора уже было привыкнуть, но она всякий раз представляла себе, что пожилой мужчина попал под машину, потерял бумажку, ограблен, убит... Не в силах ждать дома, она вышла на улицу и села на скамейку у подъезда, откуда хорошо просматривалась дорога. Это в последний раз, нервно приговаривала женщина, заберу сегодня же, немедленно. Как же он не понимает... Она шептала, смотрела на дорогу и не обращала внимания на вихрастого мальчишку и рыжую девчонку, вертящихся неподалеку.

– Ну что, добился? – в который раз зло шептала Нинка. – Теперь он потерялся, а она, видишь, как нервничает.

– Может, еще приведут? – неуверенно спрашивал Лешка, кусая от волнения губы.

– А если он упадет в люк и умрет? – продолжала терзать

мальчишку подруга. – А если его заберут в милицию, и он там будет сидеть с бомжами? А если...

– Ну хватит, – наконец оборвал он Нинку. – Что ты предлагаешь?

На секунду девочка смешалась.

– Нужно рассказать маме, – неуверенно сказала она.

– Вот еще, – буркнул Леша. – Разбежался. У меня и дома никого нет.

– Ах так, – тут же вспыхнула Нинка, – ну тогда я сама пойду! К себе!

– Ну и иди! Изменщица!

Девочка обернулась, пальцы ее сами собой сжались в кулачки. Костяшки пальцев побелели.

– Я про себя расскажу! Скажу, что это я сама! А ты сиди здесь, сиди! Трус!!

Нинка прошла метров десять, когда сзади ее нагнал Лешка. Сердито сопя и не глядя на подругу, пошел рядом.

Возле двери Нининой квартиры решимость детей куда-то испарилась. Только страх оказаться трусом друг перед дружкой не позволил им убежать. Наконец Лешка шмыгнул носом и, подпрыгнув, позвонил. Нинкина мама появилась перед детьми в кухонном фартуке – жарила котлеты.

Едва войдя в дом, Нинка заревела во весь голос и бухнулась на колени. Она помнила, что так сделал отец, когда однажды пропадал где-то три дня. Мама тогда его долго ругала, но потом простила. Лешка крепился, но совсем сдержать

слез не смог, они капали из часто моргающих глаз.

Сбиваясь и пытаясь взвалить все на себя одного, дети вза-
хлеб, наперебой поведали тете Маше о своем жутком пре-
ступлении. Сначала женщина слушала их с улыбкой, потом
подбежала к окну, убедилась, что Юля сидит на скамейке,
выключила плиту, схватила детей за руки и побежала во
двор.

Юля почувствовала, что все внутри холодеет и куда-то
проваливается, когда перед ней остановилась соседка отца
Маша вместе с плачущими детьми.

– Ну, говорите, – грозно приказала Маша, дернув их за
руки.

– Я за то, что он, – завыл Лешка, – меня вчера Бегемотихе
выдаал!

– Мы не думали, что он так сильно потеряется, – всхли-
пывая, вторила Нинка.

Юля переводила взгляд с Лешки на Нинку, ничего не по-
нимала, но чувствовала, что подтверждаются ее худшие по-
дозрения.

– А ну цыц! – вдруг приказала Маша.

Дети разом замолчали. Быстро и толково женщина объяс-
нила Юле, что натворили сорванцы.

– Они Афанасьевичу бумажку, ну, что ты ему даешь, с
адресом и именем, подменили.

– Какое же имя вы написали!? – испуганно вскочила Юля.

– Иванов... Иван Иванович, – Лешку наконец прорвало,

и он тоже заревел.

– Боже мой! А адрес!?

– Пятницкая, а дом не помню!

Через десять минут к дому подъехал милицейский УАЗ.

– Сейчас собаку пустим, – сказал невысокий плотный сержант, выслушав женщин. – Так вернее будет.

Давно вскипел и остыл чайник, о нем забыли, кипяток так и не был налит в кружки. Паша вспоминал еще и еще. Надя ахала, отрицательно мотала головой, но несколько раз ему удалось пробудить в ней искру воспоминания.

– Да, да, – тогда радостно кричала Надя, – я помню, помню, это Витька Воскобойников. Ты с ним подрался, чуть нос не сломал, мне все девчонки завидовали, тобой восхищались.

– Чего же вы меня тогда на собрании чихвостили? – удивился он. – Зинка, ты и Марьянка.

– Паша, ну чихвостили мы тебя как пионерки, а восхищались как девчонки.

– А что, девчонки и пионерки разные люди? – покачал он головой.

– погоди, – вдруг встала Надя, – Грозный чегой-то расшумелся.

Она подошла к двери, выглянула во двор. В сумраке позднего вечера не сразу разглядела людей у забора.

– Пойдем мы на Пятницкую, гражданочка, – убеждал ко-

го-то молодой мужской голос. – Проверим это место и пойдем.

Надя прикрикнула на Грозного и подошла ближе. Теперь она увидела, что это милиционер и женщина лет тридцати.

– Добрый вечер, – поздоровалась Надя.

– Добрый, – откликнулся милиционер, прикрывая глаза ладонью от слепящей лампочки. – У вас часом посетителя нет?

– Павел Афанасьевич Гостьев, – взволнованно сказала женщина, стоявшая рядом, и приложила руку к груди.

– Он же Иванов Иван Иванович, – добавил милиционер.

– Паша? Есть, – тихо ответила Надя и обернулась.

А он уже и сам вышел из домика. Вдохнул прохладный вечерний воздух, подошел к воротам. Женщина ахнула:

– Папа, мы тебя уже с собакой ищем, где ты пропал?

– Да вот, к Наде зашел, – ничуть не смущаясь, спокойно сказал он. – Мы с ней в одном классе учились. Ты извини... дочка, не заметил, как время пролетело. Сейчас я пиджак принесу.

Павел Афанасьевич вошел в дом, а Надя почувствовала себя виноватой перед этой женщиной, которая, конечно же, волновалась.

– И верно, заговорились мы, – извиняющимся тоном сказала она. – Как стали молодость вспоминать, о времени забыли.

– Что же он мог вспомнить? – горько спросила Юля.

Надя подняла удивленные глаза.

– У Паши великолепная память, он ничего не забыл, – сказала она.

– Папа!? – оторопела Юлия.

– Да, представьте себе, хотя столько лет прошло.

Право на смерть

– Войдите!

Голос прозвучал сухо и громко, как и должен был звучать голос начальника, который вправе что-то решать. Питер вошел. Комната была просторной и светлой. Широкое окно, широкий стол, светлые стены. За столом высокий худощавый человек в военной форме. Крючковатый нос и пронзительные глаза придавали ему сходство с хищной птицей.

– Питер Лейм?

– Да.

– Причины, побудившие обратиться к нашей программе?

Питер досадливо поморщился:

– В заявлении я все указал.

Человек молчал, и Питер понял, что придется говорить.

– Я три раза провалил вступительные экзамены в институт. Работа курьера меня угнетает. Родители умерли, родственников

нет. Кроме того, две недели назад меня оставила девушка.

– Вы пробовали обратиться к врачу?

– Я три месяца посещал психолога.

– Понятно, – человек за столом поджал губы. – Что ж, Питер, меня зовут Джеймс Смоллест. Ваши мотивы убедительны, вы приняты. Условия вам известны?

– Да. Нет победы – нет права.

– Какой вид спорта вы предпочитаете?

– В детстве я играл в футбол, и мне казалось...

– Принято, футбол. Вам повезло, у нас не хватает одного человека, вратаря. Завтра состоится матч с местной командой Кроманьонцы. Все, советую лечь рано.

Пожилой солдат провел Питера в узкую камеру с узким окном. Кроме жесткой пластиковой кровати в камере ничего не было. Питер лег не раздеваясь. Что ж, он сделал свой выбор, подал прошение на самоубийство. Если завтра его команда выиграет матч у местных футболистов, ему обеспечат легкий безболезненный уход из жизни. Хорошо было людям сто лет назад: снотворное продавалось в аптеках, в квартирах был газ, а ножи делались из стали. Сейчас остался один реальный способ уйти из жизни – с моста вниз головой, брр. И если они проиграют... нет, Питер сжал кулаки, за право умереть он будет драться, хватит, он устал влачить это жалкое существование...

Проснулся он от громкого прерывистого сигнала. Вскочил и первые секунды не мог понять, где он. Потом вспомнил, отбросил одеяло, открыл дверь. По коридору уже бежали рысцой люди в трусах.

– Давай, на зарядку! – крикнул кто-то.

Питер выскочил, сделал три круга вокруг здания, потом принял холодный душ. Он думал, что им дадут позавтракать, но сразу после зарядки собратьев по несчастью погрузили в автобус и повезли на поле.

Во время движения Питер рассмотрел своих товарищей. Почти все молодые, смотрят угрюмо, друг с другом не разговаривают. Ну и правильно, ему тоже нет интереса знакомиться с кем-то. Им сейчас нужно выиграть матч и все, конец...

Майка, бутсы, перчатки и на поле. Встав на ворота, Питер подпрыгнул; повиснув на перекладине, подтянулся. В детстве он всегда так делал. В детстве, как давно это было... Свисток судьи прервал воспоминания, игра началась.

Никогда за всю свою жизнь Питер так не старался. Он следил за игроками, как голодная кошка следит за мышью. Когда на десятой минуте левый нападающий Кроманьонец прорвался сквозь защиту и ринулся к воротам, Питер превратился в автомат, в автомат для игры. Он ожидал, что игрок будет бить по воротам, но нападающий неожиданно дал высокий пас направо. Мгновенно обернувшись, Питер увидел, что справа за линию защиты уже выбежал молодой игрок в зеленой майке и, наклонив голову, несется в точку встречи с мячом. За долю секунды Питер понял все. И то, что кроманьонец успевает к мячу, и что бить будет головой, и что защитить ворота он, Питер, не успеет. Отчаянно закри-

чав, вратарь в желтой майке прыгнул вперед и, достав мяч в прыжке, перед самым носом кроманьонца отбил его кулаком в сторону.

Трибуны взорвались восторженными криками.

– Молодец! – крикнул кто-то из своих.

Питер поднялся, отряхнул со щеки пыль и почувствовал, что содрал кожу на плече. Стоило ли придавать подобной мелочи значение тому, кто готовился умереть? Питер усмехнулся и стал следить за атакой своей команды. Она развивалась успешно, но в последний момент вратарь кроманьонцев отбил удар. Глядя, как изящно молодой спортсмен прыгнул и поймал мяч, Питер почувствовал, как в его душе разливается желчь. Чертовы спортсмены, подумал он, натаскали вас, как псов, а мы? Я восемь лет в футбол не играл. Но Обреченные не сдавались. Раз за разом бросались они в атаку, и на двадцать пятой минуте их усилия увенчались успехом. Центральный нападающий, диктор назвал его Пино, пробил с дальней дистанции. Мяч ударился в штангу, отпрыгнул и попал в ворота.

– Ура, Пино!! – заорал, как безумный, Питер и бросился на колени. Его охватил восторг. Продолжительность матча – сорок

минут. Если Обреченные продержатся оставшиеся пятнадцать, победа им обеспечена.

Кроманьонцы пытались отыграться. Несколько раз они бросались на штурм ворот соперника, но фортуна была не

на их стороне, счет оставался прежним: один-ноль. Стрелки часов неуклонно двигались, до конца матча оставалось три минуты. Питер уже праздновал победу, когда центральный нападающий кроманьонцев послал длинный пас на правый фланг через головы игроков. Игрок справа тут же передал мяч обратно. Защитники Обреченных не ожидали такого варианта и упустили несколько важных мгновений. Нападающий кроманьонцев воспользовался этим, вырвался вперед и без подготовки ударил по воротам. Питер кинулся на мяч, дотронулся до него кончиками пальцев, но отбить не смог. Жесткий кожаный шар слегка изменил направление, но попал в ворота. Ууу! – взвыли Обреченные, победа уплывала из их рук. Через три минуты прозвучал финальный свисток. Теперь дело решали пенальти.

Высокий статный кроманьонец вышел на позицию, разогнался и легко вогнал мяч в левую девятку ворот. Профессионалы чертовы, – ругнулся про себя Питер, он даже не успел дернуться. Однако и игрок Обреченных забил гол. Пускай не такой изящный, но гол. Питер не смог поймать ни второй, ни третий мяч, кроманьонцы легко забивали голы в его ворота. В душе у Питера начала закипать злость. Счет был три-три, но не может же такое длиться вечно. Корова! – ругал себя Питер. – Мяч поймать не можешь! Давай, работай!! Подошел следующий игрок. Это был нападающий, забивший гол на последних минутах. Питер весь превратился в зрение. И от него не укрылся молниеносный взгляд, который крома-

ньонец бросил на нижний угол ворот. Замерев, Питер выжидал, и в момент, когда игрок бил по мячу, бросился в левый угол. Он поймал это кожаное божество, содрав при этом остатки кожи на плече, вцепился в него руками, прижал к животу и заревел, словно бык. Стадион зааплодировал. Игрок Обреченных постоял, собираясь с силами, потом разбежался и уверенно всадил мяч под верхнюю штангу...

Питер сидел на кровати в камере. Саднило плечо, но его это совсем не раздражало, Питер еще раз переживал матч, эпизод за эпизодом. Вспомнив, как он поймал последний мяч, не смог сдержаться, по телу прошла теплая волна, а на лице появилась улыбка. Скрипнула дверь, в камеру вошел священник.

– Здравствуй, сын мой.

– Здравствуйте, отец.

Священник сел.

– Я не болельщик, сын мой, но почел своим долгом посмотреть ваше, ммм, состязание. И признаюсь, я был потрясен.

– Да, отец, я за всю свою жизнь так не играл. Спасибо тем, кто организовал этот матч.

– Давно не чувствовал на себе благодати Божьей?

– Не знаю, благодать ли это... но я словно десять лет жизни сбросил. Мне даже немного жаль теперь умирать.

Священник внимательно посмотрел на Питера:

– А что, нельзя всю жизнь превратить в такой матч?

Питер снисходительно усмехнулся, собираясь возразить, и вдруг понял, что можно. Можно набрать лишних часов для разноса посылок, а в короткие часы перерыва штудировать учебники. И всю ночь сидеть и учиться тоже можно. И Лайму вернуть можно, какая разница, кто из них виноват, если он ее любит. И можно разыскать двоюродную тетку по матери, главное, чтобы злость была, такая как там, на футбольном поле...

Священник вошел в кабинет, присел за стол Смоллеста. Хозяин стоял лицом к окну.

– Ну? – негромко спросил капитан, не оборачиваясь, – не томи.

– Они забрали заявления, – ответил священник, – все. Даже тот, безнадежно больной.

Капитан Смоллест обернулся, улыбнулся и озорно подмигнул священнику. А по городу шли одиннадцать человек, шутили, смеялись и радовались жизни...

Алпат

– Папа, а может, не поедем? – спросил Еджик, тоскливо глядя на блестящие полосы рельсов.

– Еджик, почему ты так боишься отъезда? – отец ответил вопросом на вопрос. – Ты боишься нового или жалеешь старого?

Еджик задумался. Нового он, конечно, боится, кто знает,

что их ждет на новом месте. Но это можно было бы стерпеть. Нет, он не хотел расставаться со своим городом.

– Я жалею старого.

– Но ты сам признался, что ты не очень ладил с ребятами в новом дворе, за четыре месяца у тебя не появилось ни одного друга. Что же тогда?

Об этом Еджик не мог ему рассказать, это была только их с Найдой тайна. Он вспомнил, как раскрылись глаза девочки, когда она узнала, что он уезжает. – Уезжаешь? Надолго?

– Не знаю.

– На неделю, на месяц?

– Наверное, дольше.

– Тогда... тогда я буду писать тебе, часто-часто... – словно наяву услышал он тихий шепот.

Помимо воли в глазах защипало. Еджик крепко стиснул зубы:

– Давай останемся, папа.

В ответ отец крепко прижал его к груди и несколько секунд не отпускал. Это он хорошо сделал, такое лучше всяких слов действует. Вообще они с отцом прекрасно понимали друг друга, возможно потому, что матери у них не было.

Она ехала на работу в автобусе и попала в аварию. Еджик ее почти не помнил, ему тогда семь лет было. Всю его жизнь рядом был отец, и только отец. С раннего утра и до вечера отец был на работе. Еджик вставал, а дома было пусто. Он завтракал, уходил в школу, учился, возвращался, гулял, а от-

да все не было. Он появлялся с первыми звездами. Мылся, садился за стол. Они ужинали, рассказывали друг другу, как прошел день. В выходные они часто бродили по парку или ехали к Крестам. Кресты – это семья Найды. Так было долго, Еджик даже думал, что так будет всегда. И его такая жизнь устраивала.

В первый раз жизнь круто поменялась, когда они переехали жить в другой район. Место Еджику не понравилось. Теперь, чтобы съездить к Крестам, нужно было час трястись в трамвае. В старом месте был парк, а улицы были чистыми. Здесь парка не было, а на улицах валялись окурки и пачки от сигарет. А главное, люди оказались хуже. На старом месте отец никогда не ругался с соседями, а здесь ругался. Причем они всегда первые начинали, эти некрасивые бабки и женщины. Они часто и долго звонили дверь и уже с порога начинали зло кричать. Ребята же были сколочены в дворовые банды и занимались в основном тем, что ходили драться с такими же бандами из соседних дворов.

Поэтому, когда отец сказал, что они уезжают, Еджик сначала обрадовался. Пускай даже не в старый район, но в любом другом, наверняка, будет не хуже. Но когда он узнал, что они едут к отцу на родину, внутри у Еджика все оборвалось.

Он знал, что отец наполовину алпат. Что давным-давно он приехал из родных мест в город, встретил маму, они поженились. Но по отцу никто не скажет, что он алпат. В школе Еджик прочитал, что алпаты – народ, занимающийся сель-

ским хозяйством: скотоводство, охота, рыболовство. И был рисунок смуглого человека в меховой шапке с узкими глазами и морщинистым лицом. Но у отца глаза нормальные, и вообще, зачем им ехать в этот поселок с корявым названием Алай?

Два месяца назад отец ездил на похороны своей матери. Еджик ее никогда не видел, просто знал, что у него есть бабушка. И вот она умерла. Отец не взял сына с собой, Еджик тогда несколько дней у Крестов жил. У дяди Катона Креста, отца Найды. Он тоже алпат, вот у него и глаза, и скулы как у алпата. Вернулся отец задумчивый, грустный. Все время о чем-то думал и вот надумал.

– Тяжело нам здесь на мою зарплату прожить, – пояснил отец Еджику. – Пока ты еще в школу ходишь, хватает, а когда учиться пойдешь?

- Я буду, как и ты, шофером, – ответил Еджик.
- Чтобы стать шофером тоже нужно год учиться.
- Ты же научил меня? – удивился Еджик.

Он правда удивился, отец научил его хорошо водить. Отец засмеялся и пояснил – уметь мало, нужно получить диплом, который дает право водить машину.

- А как же получил ты? Где взял денег?

Глаза у отца стали грустными.

– Для того чтобы я смог учиться, твоя бабушка Улашан продала восемнадцать овец и одного барана.

- Это много?

– Это очень много, сынок, это все, что они с отцом накопили за свою жизнь. А теперь овец у нас нет, продавать нечего.

– Так что, мы там будем разводить овец?

– Нет, я буду по-прежнему водить машину, а ты ходить в школу.

– Там что, шоферу больше платят?

– Нет, там люди меньше тратят.

И вот они едут в поезде. Трясется деревянный вагон, стучат колеса. Еджик смотрит в окно, сердце его сжимается от грусти. Все можно пережить, если бы не разлука с Найдой. Все у них получилось недавно, всего месяц назад. Они пошли смотреть старый город, и Найда захотела влезть на стену, а там оказалось высоко. Еджик стал подсаживать девочку и вдруг увидел, что глаза у нее голубые-голубые, бездонные-бездонные... Я буду писать тебе...

Они приехали рано утром. Выгрузили из вагона вещи и пошли вдоль станции. День был ясный, теплый. Солнце светило прямо в лицо, и Еджик шел прищурившись. Потом они повернули, и солнце уже светило сбоку. Еджик облегченно вздохнул, открыл глаза и стал смотреть на здания. Захолустье, конечно, дома маленькие, улицы мощенные камнем, но он ожидал увидеть здесь деревянные сараи и множество овец. И люди, что встречаются, обыкновенные, не алпаты...

– Вот здесь притормози, – сказал отец возле двухэтажного белого здания. – Да, оно, пошли.

Они вошли в здание. Оно оказалось большим. Правая половина, где они сейчас стояли, расширялась до полукруглого зала, а левая представляла собой коридор с деревянными дверями. Интересно, где мы, подумал Еджик, но в этот момент открылась дверь с надписью «Директор», и из кабинета вышел невысокий полный человек с узкими глазами. Алпат, сам не зная почему, внутренне напрягся Еджик. Человек скользнул рассеянным взглядом по ним с отцом, собираясь идти, и вдруг замер.

– Раздан, – обрадованно сказал он и подошел.

– Здравствуй, Ракан, – протянул руку отец.

– А это кто? – посмотрел вниз Ракан.

– Сын, Еджик.

– Здравствуй, – протянул руку директор. – Сила в руках есть?

Еджик смутился, но пожал как можно крепче.

– Молодец, вижу, есть сила, – похвалил директор. – Сколько ему?

– Пятнадцать.

– Орел! Я в четырнадцать работать пошел, в шестнадцать женился. Ладно, зайдешь ко мне?

– Зачем?

– И правда, зачем. Сейчас пойдешь вниз, оформишься у Кенжи. Машина тебя ждет, прямо на ней и поедешь. Жить будешь в Алае. Раз в месяц появишься здесь, запишешь показания счетчика, сделаешь профилактику, получишь зар-

плату и дальше кататься. Пора горячая, отдыхать будет некогда.

– Спасибо, Ракан.

– О чем говоришь, не чужие.

Еджик с отцом спустились вниз, где в маленьком кабинете сидела женщина средних лет с острым, словно топорик, лицом. Лицо было усталым, но голос у женщины был спокойный, деловитый. Она взглянула на них, причем на Еджика с явным любопытством. Отец поздоровался, протянул ей документы, женщина быстро записала данные.

– Вот ваше заявление, подпишите.

Отец взял бумагу, начал внимательно читать.

– Первая часть стандартная, предприятие в лице директора заключает с вами договор, заработная плата такая-то, – не поднимая головы, монотонно-заученно сказала женщина. – А что касается второй части: условий по содержанию, то их берет на себя Алай. У нас вы получаете только зарплату и на станции производите ремонт машины. Жилье, питание, школа для сына, все эти вопросы решаете в Алае.

– Неплохо, – усмехнулся отец, – вас мои бытовые трудности не интересуют, по договору это обязанность поселка. А для поселка я ваш работник, они во мне не заинтересованы, так получается? К кому мне обращаться, если мне не дадут приличный дом?

Женщина подняла голову от стола.

– Если с Алаем появятся неразрешимые вопросы, обра-

щаться к нам. Но свой шофер им нужен, очень нужен. Не такой, который бы жил здесь и приезжал к ним, а свой. Поэтому они постараются вас удержать. Кроме того, вы местный, я думаю, это тоже сыграет свою роль.

Отец сник.

– Извини.

– Ничего, я привыкла. Выходите во двор, сейчас бригадир выгонит машину.

Женщина вложила заявление в папку с серой обложкой и поставила на полку, где уже стояло несколько десятков подобных папок.

Отец и Еджик пошли во двор. Двор был большой, как спортивная площадка. Солнце отражалось от асфальта и создавалось впечатление, что это озеро с чем-то густым, горячим, как кисель.

В этот момент сбоку задом быстро подъехала грузовая машина с деревянными бортами. Кабина у нее была угловатая, словно взяли металлический куб и присоединили к кузову. Еджик неплохо разбирался в марках грузовиков, но эту не знал. Из машины выпрыгнул коренастый мужчина отцовских лет, подошел к ним. Лицо у него было недовольное.

– Раздан?

Отец протянул документы.

– Я Ванж Собак, твой бригадир. Принимай машину, документы в кабине.

Отец не двинулся с места.

– Что это за старье?

– А ты ждал, что тебе последнюю модель МВТ дадут? – усмехнулся мужчина.

– Ракан обещал мне пятилетний ПВ-3.

– Что вам на трехтоннике возить? – возразил мужчина. – Одного барана?

– Возить, может, и нечего, но он у меня в грязи не застрянет! – разозлился отец.

– В грязь у нас любая машина встанет, хоть ПВ, хоть не ПВ.

– Ракан обещал мне ПВ-3.

– Не знаю, что он тебе обещал, свободная машина эта.

Отец круто повернулся и пошел в здание. Бригадир усмехнулся, прислонился спиной к машине и закурил. Еджик почувствовал себя тоскливо. Еще не приехали, а уже приходится с кем-то ругаться. Ладно, сейчас отец приведет директора, он покажет этому Собаку.

Но отец появился не с директором, а с женщиной, которая принимала его на работу.

– Что тут у вас? – спросила женщина Ванжа.

– Ракан обещал ему ПВ-3, – усмехнулся бригадир.

Женщина вздохнула, повернулась к отцу.

– Алай не захотел брать большую машину, – пояснила она. – Поездки у вас частые, но партии груза небольшие.

– Дело не в этом, – возразил отец. – У ПВ-3 хорошая проходимость.

– Да, но расход топлива у ПВ-3 в полтора раза выше, а платить поселку. Что же касается проходимости, Ванж, ты дал комплект цепей?

– В багажнике, – хмуро сказал бригадир.

– Инструмент?

– Дал.

– Полный комплект?

Ванж молча повернулся и скрылся в здании. Через несколько минут он вернулся с тяжелым объемистым свертком, кинул его в кабину под ноги пассажиру.

– Посмотрите внимательно машину, где какие повреждения, – сказала женщина.

Но отец махнул рукой:

– Что найду, почию. Спасибо тебе, Кенжа. Садись, Еджик.

Еджик забросил вещи в кузов и сел в кабину.

Машина была шумная. Внутри нее все время что-то лязгало, скорости переключались с треском. Прежние отцовские машины не издавали и половины того шума, что производила эта.

– Ничего, – угадал его мысли отец, – СТ-1 тоже машина. Комфорта, конечно, мало, но она простая и надежная. Колеса бы ей пошире, да мотор помощнее, было бы вполне приличное средство передвижения.

Еджик промолчал, ему было так тоскливо, что хотелось заплакать.

Через три часа машина остановилась.

– Ну вот он, Алай, – тихо, с оттенком робости, сказал отец.

Еджик придремал в дороге, сейчас он встрепнулся, поднял голову. Да, так он себе все и представлял: деревянные домики, внизу у реки пасутся овцы, по улице идут коровы. Что он тут будет делать?

Отец вышел из кабины и скрылся в сером доме, стоявшем на пересечении двух дорог. Через несколько минут он вышел с пожилым человеком в длинной серой рубашке навывпуск. Человек махнул рукой куда-то влево, отец кивнул и пошел к машине.

Дом выглядел неважно – правая часть просела, и дом перекосило. А в остальном он ничем не отличался от других домов. Деревянные стены, черепичная крыша.

– Вот и дом у нас уже есть, – нарочито весело сказал отец, входя внутрь.

Еджик молчал. Дом. Какой это дом, это сарай. В доме есть туалет, ванная, газовая плита, обои на стенах, а здесь? Лучше бы они жили в старом районе среди злых соседей, чем здесь...

– Еджик! – видимо, отец позвал его второй раз.

Еджик поднял голову. Отец подошел вплотную, потрепал его по затылку.

– Я все понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но так надо. Потерпи, мы вернемся в город.

– Когда накопим деньги мне на учебу?

– Да.

– Когда?

– Примерно через полгода.

Полгода это, конечно, много, но он потерпит.

– Мы вернемся, и все будет по-другому, – продолжал отец. – Мы уже не будем жить в фабричном районе, вернемся в старый. Ты окончишь школу, будешь учиться.

– На шофера?

Отец как-то странно усмехнулся.

– Почему обязательно на шофера? Захочешь, станешь доктором, или адвокатом. Это хорошие профессии.

– Я хочу шофером.

– Значит, будешь шофером, – засмеялся отец.

На душе у Еджика стало легче, они стали разбирать вещи.

Складывая одежду в шкаф, Еджик заметил прямоугольный серый выступ у стены. Печка. В ней можно зажечь огонь и греться. А как в ней готовить еду, кипятить чайник? Непонятно, но огонь в доме – это хорошо. Печь стала первым положительным моментом, который обнаружил здесь Еджик.

Ночью отец ушел, повез овец в какой-то Алтук. Перед уходом он разбудил Еджика и велел утром идти в школу. Еджик надеялся, что ему дадут денек отдохнуть, поэтому огорчился. Кроме того, где она, эта школа, куда идти? Он не знает и никуда он не пойдет. Но рано утром в дверь постучали. Еджик открыл.

Пришла какая-то старуха в черном плаще. На голове у нее

был коричневый платок, а в руках палка. Она была высокая, но сгорбленная, поэтому они с Еджиком были почти одного роста. Лицо у старухи в глубоких морщинах, а глаза до того сузились, что Еджик не понимал, как сквозь эти щели можно видеть.

– Я Асан, – громко сказала старуха. – Пошли, покажу, где школа.

– Сейчас, – недовольно сказал Еджик и потянулся за портфелем.

Старуха шла медленно, опираясь на палку, Еджику приходилось приноравливаться к такой скорости, а он терпеть не мог плестись, как черепаха.

– А что, не нашли никого моложе вас послать? – наконец спросил он.

Старуха остановилась.

– Взрослые работают, дети, если не в школе, тоже работают, не сильно сложно показать дорогу, я справлюсь.

Еджик смутился. Старуха увидела это и вдруг улыбнулась.

– Я с твоей бабушкой Улашан большие подруги были. А когда такой как ты была, я по этой дороге, как ветер, носилась. Сейчас уже не могу, много лет живу. Твоего отца вот таким помню, – старуха опустила ладонь на уровень груди Еджика. – А вот уже сын его скоро отца догонит.

Еджик смотрел и глазам не верил. Морщины старухи расправились, лицо засияло внутренним светом, стало добрым.

– Как ты говоришь, зовут тебя?

— Еджик.

— Ед... — старуха споткнулась, — не будут звать, язык сломают. Ежи.

Ежи так Ежи, подумал Еджик. Они пошли дальше.

Дорогой Еджик с любопытством осматривал поселок. Ни одного двухэтажного дома, кому из ребят в старом дворе рассказать, не поверят.

Неожиданно с треском отворилась калитка, мимо которой они шли, и оттуда вылетело что-то большое, серое и упало на траву. Еджик с удивлением увидел, что это девочка немного младше его, а рядом лежит школьный портфель. Вслед за ней из дома выскочил мужчина с длинной, тонкой палкой, подскочил к девочке и пять раз сильно ударил по спине. Еджик вздрогнул и весь напрягся, он видел, что мужчина бьет всерьез, палка со свистом рассекала воздух. Но девочка не кричала, она молча терпела, только сжалась в комок. Черт, как этот баран может бить такую маленькую, ей лет двенадцать, наверное.

Наконец мужчина опустил палку, пнул напоследок жертву ногой, мельком взглянул на стоявших рядом Еджика с Асан и вошел в калитку. Всего секунду видел его Еджик, но черты лица человека крепко врезались в память. Крупное лицо с широкими скулами, густые черные брови, жестокие глаза и перекошенный гримасой ненависти рот. Передний зуб выступает вперед и кривой.

Девочка медленно встала, стряхнула пыль и, не взглянув

на невольных зрителей, быстро пошла по дороге.

– Идем, – сказала Асан и тронула его за плечо.

Еджик взглянул на старуху, ее лицо снова было строгим.

Теперь Еджик понимал, почему ему показывали дорогу, а не рассказали, куда идти. Они прошли весь поселок, за последним домом по узенькому мостику перешли овраг, обогнули густые заросли шиповника и остановились. Перед ними лежало ровное поле.

– Видишь? – спросила Асан. – Тебе туда.

Еджик присмотрелся: на краю поля виднелась крохотная четырехугольная коробочка.

– А ближе построить не могли?

Старуха покачала головой:

– Три поселка в одну школу ходят, почему нам должно быть ближе всех?

– Понятно, – Еджик кивнул старой Асан и пошел через поле.

Оно казалось бесконечным, это черное, с крупными крепкими комьями, не рассыпающимися под весом его тела, поле, но Еджик шагал быстро, и вскоре прошел половину пути. К тому времени он уже ясно различал прямоугольник здания и темные цепочки точек, которые со всех сторон тянулись к нему.

В вестибюле из расписания Еджик узнал, что у восьмого класса первым уроком будет физкультура. Он походил по первому этажу, в надежде найти спортзал, увидел столовую,

кухню, спортзала не нашел. Тогда Еджик вышел во двор. Здесь его застал звонок на урок. У проходящего мимо мужчины в зеленой, наглухо застегнутой рубашке, Еджик спросил, где спортзал.

– Идем за мной, – услышал он в ответ.

Они обогнули здание школы и очутились на площадке с турниками и брусьями. За ними виднелась утоптанная беговая дорожка, а еще дальше одноэтажное длинное строение. От него воняло чем-то гадким. Вот тебе и спортзал, подумал Еджик. А как же зимой?

У брусьев толпилась кучка ребят.

– Становись! – сказал учитель и подтолкнул вперед Еджика.

Все, конечно, впились глазами в новенького, изучали. Ну к этому Еджику не привыкать.

Стали делать перекличку. На его имени учитель, его звали Неклан, запнулся, попробовал еще раз, опять не получилось.

– Еди...жи...

– Лучше Ежи, – выручил его из затруднительного положения Еджик.

– Хорошо, если тебе не обидно, будешь Ежи, – с облегчением сказал учитель. – Сегодня у нас верховая езда. Ежи, ты умеешь ездить верхом?

– Нет.

Мальчишки засмеялись.

– Стыдно! – резко крикнул Неклан, и смех мгновенно

стих.

– Почему стыдно, учитель? – возразил кто-то. – Вы сами говорили, что стыдно для алпата не уметь ездить верхом, стрелять из лука и держать в руках нож.

– Говорил. Но разве Ежи не приехал к нам издалека? Разве он обучался с детства верховой езде и стрельбе из лука, как учили вас отцы, как учил вас я? Подумайте об этом... К тому же, я думаю, что Ежи очень быстро нас догонит, – после паузы продолжал Неклан.

– Почему? – спросили из строя.

– Потому что его отец, Раздан, первым наездником в школе был. Думаю, сына научить сможет.

– Лучше вас? – удивленно спросила какая-то девочка.

Лицо у учителя разгладилось, казалось, он вспомнил что-то очень хорошее.

– Лучше, Желнана.

У Еджика потеплело в груди – он и не знал, что отец еще и наездник.

В длинном здании, от которого так дурно пахло, была конюшня. Пока мальчишки и девчонки показывали, что они умеют, Еджик стоял и смотрел. Ездили они все, по его мнению, здорово. Маленькие фигурки сидели в седлах, как влитые и не шатались, даже когда низкорослые лохматые лошади перепрыгивали барьеры. Тем не менее учитель то и дело покрикивал на учеников, говорил, как держать спину или куда больше наклониться. Красиво, думал Еджик, глядя, как

ребята один за другим берут препятствия. Я тоже научусь, обязательно.

– Все, – сказал учитель, взглянув на часы, – лошадей в стойла, Вазан, Узнан, Ленан, после уроков чистить конюшню...

С физкультурой у него был пробел, зато по остальным предметам Еджик опережал сверстников. По математике и физике здесь отстали минимум на год от их городской школы. А по иностранному языку даже года на два.

– Ежи, ты будешь ходить от нас на районные олимпиады, – сказала Улана, их классный руководитель и преподаватель по физике и математике. – Надеюсь, ты достойно сумеешь защитить честь школы.

Еджик кивнул и посмотрел в окно. Хотел в окно, а получилось на Шинентак. Шинентак – это соседка по парте. Та самая девчонка, которую утром мужчина бил. Ничего она его не младше, только ростом не удалась. Еджик все хотел спросить, за что ее так утром, но не решался, еще обидится. Шинентак тихая, за три урока ни одного слова ему не сказала, это не Найда.

– Теперь мы напишем самостоятельную, – сказала Улана.

Еджик быстро решил свое задание, посмотрел, как дела у Шинентак. Шинентак запуталась во втором примере и мусолила ручку. Еджик сбоку на листе написал решение, подвинул ей. Молча взяла, переписала. Третье задание решила сама, подвинула листок ему, правильно ли? Еджик проверил,

исправил ошибку, вернул.

Она сама подошла, уже когда уроки закончились, и Еджик стоял на крыльце. Кажется, эту девчонку звали Салана, она сидела на второй парте, справа от него. Подошла и спокойно спросила, как старого знакомого:

– Как ты думаешь, у меня красивые волосы?

Ежи опешил и потому ответил честно.

– Нет.

Ему в самом деле не понравились ее волосы. Не только ее, а вообще у всех девчонок. И не волосы даже, а прическа. Они их все отращивают и в косы заплетают, что тут красивого? Не то что у Найды, у нее прическа короткая, шапочкой, приятно смотреть. Если бы Салана спросила, красивое ли у нее лицо или глаза, он бы сказал, что да. Она действительно красивая девчонка, яркая, из таких, что сразу на себя внимание обращают. Не нужно было, наверное, про волосы так отвечать.

Салана высоко подняла густые брови, не ослышалась ли, потом усмехнулась и отошла в сторону. Сзади слышались смешки. Еджик оглянулся, там стояли ребята из их класса. Он сделал вид, что ничего особенного не произошло, отвернулся и стал смотреть на поле. Если сморозил какую-то глупость, лучше всего сделать строгое лицо и подождать. Через несколько минут Еджик оглянулся, ребята ушли, да и весь школьный двор сильно поредел. Зато поле покрылось темными фигурками, ребята шли домой.

– Ты знаешь короткую дорогу домой?

Он оглянулся – Шинентак.

– Откуда?

– Хочешь, покажу?

– Пошли.

Они зашагали через поле, но взяли чуть левее тропинки, по которой утром шел Еджик.

– Слушай, ты не обидишься, если спрошу, за что тебе так попало? – наконец осмелился спросить Еджик.

– Нет, – покачала головой девочка. – Все и так знают. Поэтому что Кашан мне не родной отец.

– Ну и что, что не родной. Если не свой ребенок, так что его, бить? Он, наверное, просто злой человек, весь мир ненавидит.

– Нет. Свою дочь Тану он очень любит, а меня нет, потому что не родная. Остальные люди ему безразличны. Он ненавидит только меня...

– Ему что, еды тебе жалко?

– Нет.

Еджик не стал дальше расспрашивать, почему Кашан из всех людей ненавидит именно Шинентак, понял, что она говорить не хочет.

– Ясно.

– А вы надолго к нам приехали?

– До конца учебного года точно.

– А тебе, правда, не понравились волосы Саланы?

– Правда.

– Почему, она же такая красивая, а волосы особенно! Она ими так гордится.

– У нас в городе косичек не носят.

– И тебе совсем наши прически не нравятся?

– Нет, конечно. Ходите, как дурочки с косичками.

– А что у вас девочки носят?

– Коротко стригутся.

– Коротко!?! – Шинентак остановилась, осторожно взяла волосы в кулак и скосила глаза, словно проверяя, как будет смотреться, если обрезать. – Как мальчики?

– Ну да. И не такая уж Салана и красавица, есть красивее нее.

– Кто?

– Да уж есть. Ты, между прочим, ничем ее не хуже.

Шинентак удивленно взглянула на него, но Еджик не врал. Шинентак действительно симпатичная и почти не хуже Саланы. Просто она тихая и редко улыбается, вот ее красоту и не видно. Ей бы постричь волосы, надеть голубое платье вместо этого темного, улыбнуться, и была бы красавица. Не такая, как Найда, но второй такой, как Найда, вообще в целом мире нет...

Уже на самом конце поля они нырнули в овраг. Неширокий и неглубокий вначале, он вдруг резко расширился, ушел вниз и стал словно тоннель. Земляные стены были покрыты трещинами, повсюду торчали корни кустов и трав. Еджик

поежился, не обвалилась бы земля, останутся тут навсегда. Но девчонка смело шагала вперед, а значит, и ему нельзя было показывать страх.

Они шли минут десять; неожиданно тропинка резко пошла вверх, и вскоре они вышли на поверхность. Еджик оглянулся, рядом стояли какие-то дома.

– Вот это мой, – показала Шинентак, – только сзади. Через два дома твой.

– Спасибо, – поблагодарил Еджик.

– Пожалуйста.

Вечером, когда пришел отец, Еджик спросил его:

– Папа, ты знаешь Кашана?

– Знаю, – нахмурился отец.

– Он добрый человек или злой?

Отец присел на табурет.

– А почему ты спрашиваешь? Он тебя обидел?

Пришлось рассказать о Шинентак.

– Она говорит, что он ненавидит только ее, потому что не родная, а свою дочь любит.

– Видишь ли, Еджик, – задумчиво сказал отец, – когда я был маленький, бабушка рассказывала мне, что все люди произошли от матери медведицы. Все, кроме немногих, чьей матерью стала волчица. А у волка какая жизнь, зарезать кого-то и съесть. Страшный зверь волк – зверь одиночка. Но даже такой зверь, как волк, любит свою плоть и кровь, своего волчонка. Поэтому, наверное, нет такого человека, кото-

рый не любил бы совсем никого. Но любить кого-то одного – мало, чтобы называться человеком. У человека есть братья, друзья, односельчане, словом близкие, понимаешь?

– Понимаю. Шинентак должно быть очень плохо с таким человеком.

– Ничего, – усмехнулся отец, – вырастет, уйдет и будет жить сама.

– Это сколько же ждать.

Отец посмотрел на него удивленно:

– Не так уж много. В этом году.

– В этом году!?

– Ты никогда не думал, что ты уже взрослый?

– Ннет.

– Подумай.

Из письма Еджика Найде.

Привет, Найда. Я уже месяц как в Алае. Тут все не так как у нас. Асфальтовых дорог здесь нет, только земляные. Когда идет дождь, отец наматывает на шины грузовика цепи, и все равно не всегда проехать может. После дождя я прихожу в школу и ботинок не вижу – сплошной ком грязи.

В школе на физкультуре учатся верховой езде, стрелять из лука и драться на ножах. Ездить на лошади я пока не научился, стреляю тоже плохо, а вот на ножах неплохо получается, учитель меня хвалит. На день рождения отец подарил мне свой нож, длинный, с костяной рукояткой. Я его ношу

в портфеле на физкультуру, непривычно. Спортзал здесь на улице, не представляю, как они занимаются зимой.

Девчонки тут все носят длинные косы, и волосы у них черные, как воронье крыло. Нет даже коричневых волос, не то что там белых. Не знаю, красят они волосы краской, или от рождения такие. Моего имени никто не может выговорить, называют Ежи. Я не обижаюсь. Люди здесь в основном неплохие, редко кто по пустякам ругается. И все равно я очень по городу скучаю, особенно по тебе. Как там у вас дела? Пиши. Еджик.

Из письма Найды.

Привет, Еджик. Ты спрашиваешь, как у нас дела. Все по-старому. Я учусь, родители работают. Очень по тебе скучаю, когда ты уже приедешь? Месяц, это оказывается очень много, я никогда не думала, что время так тянется. Отец спрашивает, что делает его друг Раздан. Ну вот и все, до встречи. Найда.

Они жили в Алае два месяца. Еджик привык. Это не значит, что ему нравилось в поселке, просто он научился видеть хорошее. Хорошо было, когда приходила бабушка Асан, приносила сладкие и кислые лепешки, рассказывала про его бабушку Улашан. Оказывается, бабушка хорошо знала травы и всех в деревне лечила. Кроме того, она умела ткать ковры и вышивала красивые узоры. Бабушка Асан показывала

скатерть, даже Еджик понял, как красиво. А Шинентак только что не прыгала от восторга. Ах, как красиво, какой узор! Ашаш! – значит: искусница.

Хорошо было идти вместе с Шинентак в школу и из школы, оказывается, с ней было о чем поговорить. Было приятно ходить к учителю Неклану и учиться новым кинжальным приемам. В обращении с кинжалом Еджик уже ничуть не уступал любому мальчишке в классе. Неклан часто приглашал его вечером на дополнительные занятия и почти всегда хвалил.

Молодец, говорил учитель, и трепал мальчишку по плечу. Хорошая реакция, быстрые движения. И главное, ты идею понял. Нож – не сабля, долго стоять, фехтовать не нужно. Увернулся раз, другой, а потом обманное движение и подступай вплотную...

Учился Еджик и ездить верхом, но тут успехи были гораздо скромнее. Отец все обещал позаниматься с ним в выходные, но пока свободных выходных не было.

Приятно было вечерами ходить с отцом удить рыбу. Рыбы в местной речке была не такая как в городе. В городе рыба разная: тонкая, толстая, плоская, круглая, белая. Коричневая... А здесь она узкая, длинная, с красным мясом, очень вкусная. Если отец был занят, Еджик шел на речку сам или с Шинентак. Если сам, то обычно удочки не брал, просто сидел и смотрел, как быстро бежит вода, как мгновенно образуются и исчезают водовороты. А когда шел с Шинентак,

брал. Пока рыба не клюнет, можно и поболтать.

В горах здесь водились волки, лисы, дикие козы, бараны, олени. Дикие звери в поселок не заходили, боялись. Зато хищники все время караулили домашние стада, которые паслись на лугах. Один раз Еджик видел растерзанную волками тушу овцы. От бедного животного осталась шкура, копыта и кости. А еще пятна крови на траве. Жуткое зрелище. Правда, охотники тоже не сидели сложа руки. Почти в каждом доме на стене видел Еджик волчьи и лисьи шкуры.

За два месяца Еджик здесь ни с кем из мальчишек не сошелся. Это было немного странно, потому что ребята в классе были неплохие, нос не задирали. Но потом Шинентак ему объяснила, в чем дело.

– Это все Салана.

– Салана?

– Ты сказал, у нее волосы некрасивые, она обиделась. Сказала, кто с тобой дружить будет, ее дружбу потеряет. Все мальчишки в классе за ней бегают, с тобой дружить боятся.

Еджик огорчился, но потом решил: ну и пусть. Пускай слушаются красивой дуры, если им так нравится, ему и Шинентак достаточно. Ей можно обо всем рассказать, о любой проблеме, она поймет. Шинентак знала, что он хочет вернуться в город, даже про Найдю знала. А Еджик знал, что Шинентак жила с Кашаном уже пять лет. Пока жива была мать, было еще ничего, а сейчас совсем плохо. Кашан очень злой, как волк, правильно твой отец говорит. Ей бы этот год

доучиться, уйдет от Кашана, начнет работать.

Приятно было получить второе место на районной олимпиаде по математике, потому что на следующий день вся школа собралась во дворе и Еджику долго хлопали. Он даже не ожидал такого. А потом ребята из соседних классов подходили и дружески хлопали его по плечу, они же не бежали за Саланой...

Приятно было, когда отец звал на помощь и брал Еджика с собой в поездку. Это если груз находился в глухом месте, где не доставало работников. Здесь отец работал больше, чем в городе, но был намного веселее. Он часто спрашивал сына, что они будут делать, когда вернутся в город. Мечтал, какая хорошая у них будет квартира, как он получит новый грузовик, и вообще, как все будет здорово.

Еджик уже хорошо водил, намного лучше, чем до отъезда. Тогда он просто садился за руль на пять-десять минут в глухих переулках, а сейчас отец доверял ему вести машину часами. Один раз даже разрешил самому съездить в соседний поселок Апут. Еджик ехал и думал, как все будут ахать и охать, что мальчишка приехал сам. Но никто в поселке не удивился, сделали вид, что так и нужно. И вообще, здесь дети рано начинали работать.

С мальчишками он не подружился, но оказалось, что ему вполне хватает дружбы с Шинентак. Шинентак умная, только у нее ум не такой, чтобы математику решать, а настроен о жизни думать. Вот например, зашел у них как-то разговор

о несчастье. Они тогда домой со школы шли.

– Пошли к бабушке Асан, – предложила Шинентак.

– Не хочу, нет настроения, – покачал головой Еджик.

Девочка не стала настаивать, стала расспрашивать о городе. Еджик рассказывал, подробно объяснял, как там люди живут, как одеваются, как устроены дома.

– Странно, – вдруг сказала Шинентак, – твой отец совсем на алпата не похож, а ты немного похож. Но мать твоя не алпатка.

Еджик только головой покачал: говорили об одном, Шинентак без перехода на другую тему перепрыгнула, но с ней это случилось.

– Конечно, она не алпатка, и в лице у нее ничего алпатского не было. Хотя я ее плохо помню, по фотографии сужу.

– Сколько тебе было, когда она умерла?

– Семь.

– Мало.

– Да. Тогда сильно плохо было и мне, и отцу.

Шинентак остановилась и, закрывая ладонью глаза, долго смотрела в сторону заходящего солнца.

– Твое горе сильное, но внезапное. А я больше медленного горя боюсь, – наконец сказала девочка.

Еджик опешил.

– О чем ты? Какое медленное, какое внезапное?

– К тебе горе из-за холма подкралось и напало. А ко мне открыто шло, не таясь. Я за много дней видела, как оно под-

ходит. Боялась и сильно, просила богов отвести горе, или удлинить его путь. Пускай оно тройным кружным путем придет ко мне, шептала я, но ничего не помогло. — Шинентак вздохнула: — Мы с матерью всегда одни жили, отца даже не помню. Была у нас корова Улара, черная с белыми пятнами, добрая-добрая. Я ей все секреты рассказывала, а она выслушает и языком меня лизнет. Молока много давала, полтора ведра, иногда два. Мать говорила: Шинентак, будет жива Улара, проживем и мы. Умрет корова, придется мне мужа искать. Ко мне Кашан сватался, наверно, за него пойду.

Я тогда не знала, какой человек Кашан, но злых его глаз уже боялась. Я лежала в кровати и просила Богов, чтобы с Уларой ничего не случилось. Но она скоро заболела. Не умирай, Улара, просила я. Я носила ей лучшее сено, давала пить теплую воду, а корова лежала и смотрела на меня тоскливо-тоскливо. Жалела меня. Три месяца болела, три месяца шло ко мне горе и пришло.

Умерла Улара, мать вышла замуж за Кашана. Кашан меня сразу возненавидел. Ненавидел за то, что мать меня любила, хотел, чтобы она любила только его. А как может мать не любить свою дочь? Кашан меня бил, мать бил... Мать ничего не говорила, только крепко прижимала к себе и долго держала. Только один раз не выдержала, расплакалась. Кашан тогда меня хлыстом ударил, очень больно, шрам на спине навсегда остался. Мать схватила меня, заплакала. Прости, говорит, из-за меня страдаешь. А через неделю заболела. Тогда

горе ко мне тоже долго шло, полгода. Мать не хотела умирать, меня боялась оставлять. А я надеялась. Пока лето было, надеялась, а когда осень наступила, поняла, что мать не переживет зиму. Вот тогда я очень хорошо узнала, что такое медленное горе.

Тогда я Кашана перестала бояться. Решила – умрет мать, я в реку брошусь, утону. Я бы так и сделала. Когда мать похоронили, я на следующий день к реке пошла. Спустилась вниз, а там бабушка Асан стоит. Здравствуй, говорит. Я поздоровалась. Зачем пришла? – спрашивает бабушка. За водой, говорю. А где ведра? Я молчу. Тогда бабушка Асан и говорит: У тебя все еще будет, Шинентак, семья, дети, любовь. Потом погладила меня по голове, отвела домой и накормила теплыми лепешками... Пошли, чего стоишь.

Они пошли дальше.

Еджик обдумывал слова Шинентак и вынужден был признать, что лучше встречаться с внезапным горем. А еще подумал, что глядя на Шинентак, никак не скажешь, что она такая отчаянная. Решила, что пойдет утопиться, и пошла. Еджик представил себе холодную воду зимой, как она обжигает тело, проникает в рот, в легкие... и содрогнулся.

– Салана, наверное, скоро замуж выйдет, – опять без перехода сказала девочка.

– Как это? – удивился Еджик. – Она же... школьница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.